

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 795–849.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 3 (2026): 795–849.

Научная статья

УДК 94(47).083

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-4>

<https://elibrary.ru/kzqnvq>

Несостоявшееся убийство П.Н. Милюкова в 1916 г. и реакция русской прессы

Андрей Александрович Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия,

andrey.a.ivanov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6438-5200>

Andrei A. Ivanov

Saint Petersburg State University,

St Petersburg, Russia,

andrey.a.ivanov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6438-5200>

Аннотация. В статье впервые в историографии подробно рассматривается политический скандал, вызванный появившейся в конце 1916 г. в периодической печати информацией о готовящемся убийстве лидера Конституционно-демократической партии и Прогрессивного блока в Государственной думе П.Н. Милюкова. Заказчиком политического убийства был назван вождь Черной сотни А.И. Дубровин, а мотивом преступления – знаменитая обличительная думская речь Милюкова, произнесенная 1 ноября 1916 г. Этот частный сюжет из истории последних дней существования Российской империи не только обогащает имеющиеся в историографии биографические сведения о Милюкове и Дубровине, но и позволяет изучить применявшиеся в то время либеральным и консервативным лагерями технологии дискредитации своих политических противников. Значительная часть источников, приведенных в статье, впервые вводится в научный оборот. Реконструкция и анализ причин, повода и развития этого политического скандала произведены на основе архивных документов и материалов периодической печати различной политической направленности («Русское слово», «Русские ведомости», «Речь», «День», «Русское знамя», «Земщина», «Голос Руси», «Киевлянин», «Южный край», «Петроградский листок», «Журнал журналов» и др.). Особое внимание уделено трактовкам и оценкам этого политического скандала со стороны либеральной и консервативной прессы. В статье приводятся оценки этой истории, данные известными русскими публицистами начала XX в.: И.М. Василевским, В.М. Дорошевичем, А. Ренниковым, А.И. Тиняковым и др. Обращается внимание на то, что обвинения в адрес Дубровина во многом были схожи с вменявшимися ему ранее в связи с покушением на однопартийца Милюкова, депутата I Государственной

думы М.Я. Герценштейна, убитого в 1906 г. Однако, поскольку скандал 1916 г. не имел трагической развязки, история, начинавшаяся как трагедия, превратилась в фарс. Высказывается гипотеза, что скандал вокруг Дубровина в конце 1916 – начале 1917 гг. был частью кампании по дискредитации правых политических сил, предпринятой оппозиционным лагерем накануне Февральской революции.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, П.Н. Милюков, А.И. Дубровин, С.И. Гуцулло, Союз русского народа, черная сотня, периодическая печать, «Русское знамя»

Для цитирования: Иванов А.А. Несостоявшееся убийство П.Н. Милюкова в 1916 г. и реакция русской прессы // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 795–849, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-4>; EDN: KZQNVQ

The Failed Assassination of P.N. Milyukov in 1916 and the Response of the Russian Press

Abstract. The article makes the first attempt in historiography to examine in detail the political scandal caused by the information published by the periodical press at the end of 1916 concerning an imminent assassination of Pavel N. Milyukov, the leader of the Constitutional Democratic Party and the Progressive Bloc in the State Duma. Aleksandr I. Dubrovin, the head of the Black Hundred group, was declared the instigator of the political murder, and the famous accusatory Duma speech delivered by Milyukov on November 1, 1916 was considered the motive. These particular events from the history of the last days of the Russian Empire not only enrich the biographical information about Milyukov and Dubrovin but also make it possible to study the techniques used at that time by the liberal and conservative groups in order to discredit their political opponents. A significant number of the sources cited in the article are introduced into scientific discourse for the first time. The reconstruction and analysis of the pretext, causes, and development of this political scandal are based on archival documents and material from periodicals of various political orientations (*Russkoe Slovo*, *Russkie Vedomosti*, *Rech'*, *Den'*, *Russkoe Znamya*, *Zemshchina*, *Golos Rusi*, *Kievlyanin*, *Yuzhnyi Krai*, *Petrogradskii Listok*, *Zhurnal Zhurnalov*, et al.). Particular attention is paid to the interpretations and assessments given to this political scandal by the liberal and conservative periodicals. The article also refers to the interpretation of the events provided by famous Russian political writers of the early 20th century, such as I. Vasilevsky, V. Doroshevich, A. Rennikov, A. Tinyakov, and others. Attention is drawn to the fact that the accusations addressed to Dubrovin were practically the same as those related to the assassination on Milyukov's fellow party member, deputy of the First State Duma, M. Herzenstein, who was killed in 1906. However, the 1916 scandal had no tragic dénouement, which is why the story that started as a tragedy turned into a farce. It has been hypothesized that the scandal around Dubrovin in late 1916 and early 1917 was part of a campaign undertaken by the opposition to discredit the right-wing political forces on the eve of the February Revolution.

Keywords: Russian Empire, State Duma, P.N. Milyukov, A.I. Dubrovin, S.I. Gutsullo, Union of the Russian People, Black Hundreds, periodical press, *Russkoe Znamya*

For citation: Ivanov, A.A. "The Failed Assassination of P.N. Milyukov in 1916 and the Response of the Russian Press." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 3 (2026): 795–849, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-4>; EDN: KZQNVQ

Введение

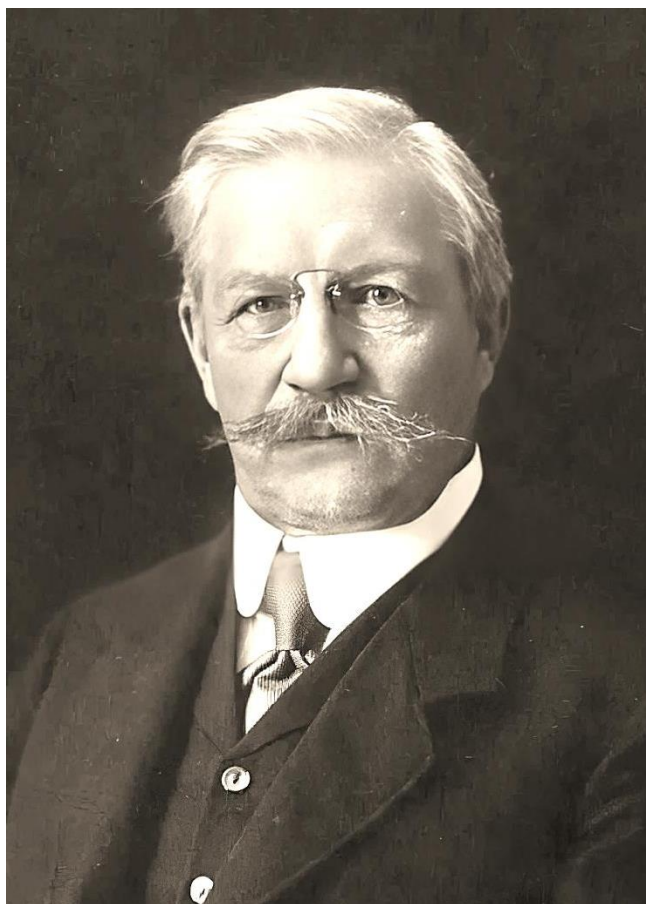
В конце осени 1916 года политическая обстановка в Российской империи была накалена до предела. Пятая сессия IV Государственной думы, открывшаяся 1 ноября знаменитой речью лидера кадетской партии П.Н. Милюкова «Глупость или измена?», превратилась в штурм власти. Выступления оппозиционных ораторов, нещадно бичевавших с думской трибуны правительство, революционизировали общество. «Историческая» речь правого депутата В.М. Пуришкевича, обрушившегося 19 ноября на «камарилью» и «распутинцев», и последовавший через три дня после нее громкий политический скандал, связанный с выступлением лидера фракции правых Н.Е. Маркова, пытавшегося опровергнуть обвинения оппозиции и, в итоге, оскорбившего председателя Государственной думы М.В. Родзянко, взбудоражили общественность еще сильнее¹. И без того ослабленный монархический лагерь стал распадаться. Переход Пуришкевича на сторону оппозиции, раскол в консервативных кругах по отношению к выходке Маркова, бегство из фракции правых многих ее членов – все это в конце ноября – начале декабря 1916 года широко освещалось столичной и провинциальной печатью, занявшей, за исключением немногочисленных черносотенных газет, сторону Прогрессивного блока и оскорбленного Родзянко. Все это сопровождалось развернутой либеральной прессой шумной кампанией против правых, призванной окончательно дискредитировать защитников самодержавия. Влиятельные оппозиционные политики при поддержке дружественной им печати активно и успешно работали над ослаблением фракции правых в Государственной думе, провоцируя ее членов на разрыв со своими вождями, которые выставлялись в виде одиозных фигур, полностью утративших общественную поддержку². Массированная атака шла и на черносотенные союзы в целом. Как справедливо отмечает Д.И. Стогов, в конце 1916 – начале

¹ См.: *Иванов А.А.* Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2023. С. 391–403.

² См.: *Николаев А.Б.* Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы (ноябрь–декабрь 1916 г.) // Старцевские чтения – 2006: к 75-летию профессора Виталия Ивановича Старцева (Санкт-Петербург, 14–15 сентября 2006 г.): сборник воспоминаний и научных статей / под редакцией Б.Д. Гальпериной, А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2007. С. 143–154; *Николаев А.Б., Гавроева Е.С.* М.В. Родзянко и раскол фракции правых (ноябрь – декабрь 1916 г.) // Университетский научный журнал. 2018. № 41. С. 13–23. <https://doi.org/10.25807/PBH.22225064.2018.41.13.23>

1917 гг. «либеральная печать ... сознательно формировала в сознании обывателя негативный образ монархистов» и «в этом она весьма преуспела»³.

В этих условиях разразился новый скандал – в начале декабря 1916 г. газеты опубликовали шокирующее сообщение о готовящемся монархистами убийстве неформального лидера Прогрессивного блока Милюкова. Однако, несмотря на свою сенсационность, это событие не получило широкой известности.

Павел Николаевич Милюков (1859–1943)

Источник: Сайт Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина.

URL: <https://www.prilib.ru/node/438152>

Не вспоминал об этом эпизоде и сам Милюков. В его мемуарах повествуется о том, что черносотенцы вынесли ему смертный приговор еще в дни Первой русской революции, что он был в списке «обреченных», как и его соратник М.Я. Герценштейн, убитый правыми боевиками в 1906 году⁴. Милюков приводил следующие подробности: в окнах напротив своего кабинета он видел «таинственные приготовления», которые могли объясняться лишь тем, что

³ Стогов Д.И. Образ черносотенцев в русской либеральной печати (1916 – первая половина 1917 гг.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / составитель А.Б. Николаев. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. С. 6–15.

⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. Москва: Издательство политической литературы, 1991. С. 268–269.

оттуда планировалось совершить роковой выстрел, а на границе России и Пруссии был задержан некий «черный боевик», фельдшер Смирнов, ехавший с поручением убить его⁵. Подробно описал лидер кадетской партии и то, как «правые террористы» в 1907 году, якобы по личному поручению вождя Союза русского народа (СРН) А.И. Дубровина, организовали на него покушение. Последнее, впрочем, по словам самого же Милюкова, состояло в том, что на Литейном проспекте его настиг нетрезвый молодой человек «мещанского типа», давший ему две затрещины по шее, в результате чего был сбит котелок и разбито пенсне⁶. Однако о том, как его собирались застрелить в 1916 году, Милюков рассказывать в мемуарах не стал. Сопутники Милюкова, выпустившие в эмиграции к 70-летию политика сборник статей и воспоминаний о нем, восхваляя «редкое бесстрашие» своего вождя, в красках описывали, что жизнь кадетского лидера висела на волоске во время черносотенной реакции 1906–1907 годов, что «за ним охотилась боевая дружина “Союза русского народа”», и как его супруга «изо дня в день в течение многих лет» «десятки раз замирала в день от ужаса, – не принесут ли Павла Николаевича раненым или убитым»⁷. Но «покушение» 1916 года, которое могло бы стать подтверждением того, что охота за Милюковым велась «в течение многих лет», также не упоминалось.

В исследовательских работах, посвященных Милюкову, эпизод с несостоявшимся в 1916 году покушением также оказался обойденным⁸. Авторы работ о Милюкове либо мимоходом приводили упомянутое выше хулиганское нападение, либо же, по понятным причинам, подробно останавливались на реальном покушении, состоявшемся уже в эмиграции, когда правые монархисты П.Н. Шабельский-Борк и С.В. Таборицкий, стреляя в Милюкова, смертельно ранили другого кадета – В.Д. Набокова⁹. Не нашлось места для

⁵ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 283.

⁶ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 282–283.

⁷ Грузенберг О. Старому другу // П.Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859–1929 / под редакцией С.А. Смирнова и др. Париж: [б. и.], 1929. С. 186.

⁸ См., напр.: Чернявский Г., Дубова Л. Милюков. Москва: Молодая гвардия, 2015; Кара-Мурза А.А. Павел Николаевич Милюков: «Идти соединением либеральной тактики с революционной угрозой...» // Российский либерализм: идеи и люди / под редакцией А.А. Кара-Мурзы. Москва: Новое издательство, 2007. С. 526–538.

⁹ Чистяков К.А. Покушение П.Н. Шабельского-Борк и С. Таборицкого на П.Н. Милюкова в Берлине 28 марта 1922 г. // Новый исторический вестник. 2002. № 1 (6). С. 121–125; Котельников К.Д. Покушение в Берлине в 1922 г. на П.Н. Милюкова и убийство В.Д. Набокова: показания обвиняемого, монархиста П.Н. Шабельского // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 867–881. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-3-867-881>; Котельников К.Д. Покушение в Берлине в 1922 г. на П.Н. Милюкова и убийство В.Д. Набокова: показания

сюжета из 1916 года ни в работах о черной сотне, ни в публикациях, посвященных черносотенному террору, ни в статьях о Дубровине, который в этой истории снова оказался главным подозреваемым. Историки черносотенного движения также останавливали внимание лишь на первом нападении на Милюкова, приводя свидетельство бывшего соратника Дубровина А.И. Пруссакова, утверждавшего, что черносотенный вождь отдал распоряжение дружинникам «нанести Милюкову удар кастетом по затылку около виска» и вообще «дать ему хорошо»¹⁰. Исключение составляют лишь три работы: эмигрантское исследование С.П. Мельгунова, монография Н.Н. Яковлева и небольшая статья Е.А. Деревниной. В первой – «покушение» 1916 года лишь упоминается¹¹, во второй – советский историк остановился на нем более подробно, охарактеризовав как одну из попыток «правых удержать уже утраченные позиции», подобную «взмахам метлы перед грозным половодьем народного гнева»¹², в третьем исследовании данный инцидент кратко представлен на основе судебного дела¹³.

Между тем этот небольшой эпизод из истории предреволюционной России весьма интересен по ряду причин. Во-первых, он добавляет новые штрихи к характеристике и политической биографии как Милюкова, так и Дубровина; во-вторых, представляет несомненную ценность для изучения технологий черного пиара и специфики медиавойн, которые велись в русской периодической печати накануне падения самодержавия; в-третьих, дает новый материал для осмысления проблемы так называемого «черносотенного террора» и ее подачи в периодике того времени.

Основная часть

История с несостоявшимся покушением на Милюкова развивалась следующим образом. В декабре 1916 года оппозиционная печать разразилась сенсацией: редактор «Журнала журналов» И.М. Василевский, известный под псевдонимом Не-Буква, поведал столичным газетам о заговоре против лидера

обвиняемого, монархиста С.В. Таборицкого // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1163–1174. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-4-1163-1174>

¹⁰ Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? Москва: Яуза-пресс, 2013. С. 253.

¹¹ Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире (канун революции). Париж: [б. и.], 1957. С. 301.

¹² Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. Москва: Алгоритм, 2003. С. 298–300.

¹³ Деревнина Е.А. Судебные дела, связанные с депутатами Государственной думы (по материалам ЦГИА СПб) // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция (Санкт-Петербург, 11–12 декабря 2013 г.) / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2014. Ч. 2. С. 28–30.

кадетской партии и Прогрессивного блока П.Н. Милюкова, организатором которого был назван вождь черной сотни, председатель Всероссийского Дубровинского Союза русского народа (ВДСРН) и издатель газеты «Русское знамя» А.И. Дубровин. Василевский сообщал, что к нему явился «постоянный сотрудник “Русского знамени”», «подлинный птенец из дубровинского гнезда» Сергей Прохожий (С.И. Гуцулло) и заявил, что Дубровин 18 ноября 1916 года поручил ему убить Милюкова. В присутствии свидетелей визитер с «нервным лицом» и «порывистыми движениями» рассказал, что убийство вождя российских либералов должно было стать ответом на его произнесенную в Государственной думе 1 ноября на шумевшую речь, которую современники уже стали называть «штурмовым сигналом революции». Гуцулло сообщил, что для совершения намеченного ему было выдано лично Дубровиным 300 руб., предоставлен план квартиры Милюкова, указана чайная СРН напротив, из которой «удобно стрелять», а также намечены пути отхода проходными дворами. На вопрос Гуцулло об ответственности, Дубровин, якобы, рассмеявшись, сказал:

Не больше, чем за Герценштейна и Иоллоса и прочую сволочь. А если сумеете... скрыться, то совершенно останетесь в тени, и о вас буду знать только я один¹⁴.

Однако на вопрос о доказательствах, которые могли бы подтвердить правдивость этого рассказа, Гуцулло ответил: «Какие же тут возможны доказательства? Такие поручения даются только с глаза на глаз»¹⁵.

Меня посылают убить Милюкова... Я не могу, я не хочу!.. <...> Мне ничего не надо, мне бы только рассказать правду. <...> Осведомите об этом Милюкова. Напечатайте. Делайте, что сами знаете, не дайте совершиться злему делу!¹⁶

— взывал Гуцулло.

Спустя неделю «Журнал журналов» опубликовал письмо и «исповедь» Гуцулло, в которых тот поведал о своем черносотенном прошлом и о «прозрении», заставившем его порвать с правыми и сообщить обществу о кровожадных планах Дубровина. Автор «исповеди» в подробностях рассказывал, как происходило его превращение из «сознательного идейного

¹⁴ К делу Сергея Прохожего // Южный край. 1916. № 13741 (5 декабря). С. 2.

¹⁵ Заговор на жизнь П.Н. Милюкова // Киевлянин. 1916. № 335 (3 декабря). С. 1–2.

¹⁶ Василевский И. (Не-Буква). Об исповеди кающегося // Журнал журналов. 1916. № 50. С. 3.

юноши» в черносотенца, в результате которого он «нравственно умер». Повествуя о своей крайней нужде, Гуцулло признавался, что мечтал отомстить всем тем, кто живет в достатке, и такая возможность ему представилась, когда он в 1906 году вступил в одесскую боевую дружину СРН. Получив кличку «Сокол», казенный револьвер и расположение «наказного атамана» дружины Д. Черникова («Ермака»), Гуцулло, по его словам, стал одним из тех, «кто держит в терроре всю Одессу». Бывший черносотенец откровенничал:

То, что мы проделывали в те времена над жителями г. Одессы, тяжело вспомнить. Деяния наши оставили по себе грустную память всюду, куда нас посылали для «усмирения крамолы». И мы усмиряли с таким азартом, что даже полиция и та неоднократно вмешивалась в наши «дела». <...> Средства притекали широкой рекой. А чего не хватало, брали своей рукой. Ночные наши облавы на дома мирных обывателей в целях обыска были нашим развлечением. Вымогательство чередовалось с грабежом, грабеж – с вымогательством¹⁷.

¹⁷ Моя исповедь. Сообщение сотрудника «Русского знамени» Сергея Прохожего // Журнал журналов. 1916. № 50. С. 5.

Последний портрет г. Прохожего.

Сергей Прохожий (С.И. Гуцулло) в 1916 г.
Источник: Журнал журналов. 1916. № 50. С. 7

Прохожий-Гуцулло в подробностях рассказывал, как он и его соратники боролись с забастовкой в одесском порту, вели бои с революционными боевиками и, отвечая на теракты левых, виновников их «с колосниками на ногах пускали... на рейде на дно залива»¹⁸. «После этой эпохи, что я мог собою представлять? – писал Гуцулло. – И тогда я себя считал негодяем, а теперь и говорить нечего...»¹⁹.

Когда революция была подавлена, а черносотенные дружины распущены, Гуцулло попытался устроиться агентом охраны, но оттуда, по его же собственным словам, был быстро выгнан, так как, якобы, выследив группу анархистов-коммунистов, так впечатлился героизмом ее членов, что не смог их выдать. Затем он решил попробовать себя на публицистическом поприще.

¹⁸ Моя исповедь. Сообщение сотрудника «Русского знамени» Сергея Прохожего. С. 5.

¹⁹ Моя исповедь. Сообщение сотрудника «Русского знамени» Сергея Прохожего. С. 5.

Начав с 1908 года публиковаться в черносотенной газете Одессы «Русская речь», Гуцулло со временем перебрался в Петербург, где стал одним из авторов дубровинского «Русского знамени».

С 1909 г. по 1916 г. я был постоянным сотрудником этой газеты... Попутно я стал стучаться и в другие редакции: «Ниву», «Природа и люди», «Прекрасное далеко» и др. Повсюду, раз напечатав, «Сергея Прохожего» выгоняли за сотрудничество в «Русском знамени»²⁰,

– сетовал Гуцулло. Подчеркивая, что презрение со стороны либеральных издателей и редакторов злило его, Гуцулло заявлял, что, работая в «Русском знамени», он мстил своим недругам. Откровения Прохожего продолжались:

Всего и не перечислишь, что я проделал за все время сотрудничества в «Русском знамени». Хроника провинциальной прессы пестрит моими похождениями, но всемогущее имя доктора Дубровина всюду и всегда было моим щитом. Что бы я ни проделал, все прощалось, потому что карточка А.И. Дубровина была ключом к каждой двери, которая благосклонно отворялась и пропускала меня. Надо мне было оружие, – как тотчас же получал его и разрешение на право ношения. Как же тут было не обнаглеть и не гордиться своими доспехами «опричника»? Все порядочное, начиная от трудящегося рабочего до интеллигента включительно, отворачивалось от меня. Я страдал, не находя сил сбросить с себя все соблазны своего положения, и когда кто-нибудь меня особенно «оскорблял» своими презрениями, я пользовался всеми благами, данными черносотенцу, и творил «беззакония» на «законном основании», и находил радость в чужом страдании²¹.

Позже Гуцулло, обращаясь с письмом на имя прокурора Петроградского окружного суда, добавил в свой рассказ следующие подробности. На деньги Дубровина он с 1912 по 1916 год совершил путешествие по азиатской части империи «от Владивостока до Батума, [от] Пржевальска до Ташкента», тратя на это турне до 4 тыс. руб. в год. Целью же поездки было личное поручение Дубровина: поддерживать связь с местными отделами союза и своими корреспонденциями с мест создавать видимость активной деятельности дубровинцев на востоке страны и широкой осведомленности «Русского знамени»²².

²⁰ Моя исповедь. Сообщение сотрудника «Русского знамени» Сергея Прохожего. С. 6.

²¹ Моя исповедь. Сообщение сотрудника «Русского знамени» Сергея Прохожего. С. 6.

²² Заявление С. Прохожего // Речь. 1916. № 334 (4 декабря). С. 6.

Печатая различные сенсации то из Ташкента, то из Верного, то с Камчатки, то из Персии, я тем давал Дубровину сказать вслух: «У нас всюду есть глаза, и есть уши. Мы чутко прислушиваемся к каждому шороху русской жизни»²³.

Кроме этого, добавлял Гуцулло, он собирал для Дубровина различные справки и сведения политического характера и, представляясь сотрудником левых изданий, делал все, чтобы скомпрометировать левую печать в глазах провинциальной публики. «За это мне платили, и я жил лучше, чем требовалось», – откровенничал Гуцулло²⁴.

Далее автор «исповеди» поведал о своем полном разочаровании «великаном» и «столпом» союза Дубровиным, которого отныне стал считать «сознательным врагом и монархизма, и вообще России», а также о переоценке всей своей прежней деятельности:

Больше писать для «Знамени» я не могу. Как ни опустил я нравственно, но все же еще не дошел до марки и мерки, которой меряется патриотизм г. Дубровиным и его газетой!²⁵

И «письмо», и «исповедь» были написаны в крайне пафосном тоне.

Мой долг, долг прежде всего вспомнить, что я – русский человек без истинно-русского этикета. И, как русский человек, я должен отдать свою жизнь своей родине, если я хочу честно считать себя тем, чем я хочу быть! А я хочу, хотя в последнюю минуту, вспомнить свой долг перед родиной и, хотя [бы] частично, возместить ей за все то, что я ей делал в долгие годы служения идеям «Русского знамени». Выходя из состава сотрудников этой газеты, я оборачиваюсь назад и вижу свой позор как постоянного работника и ломаю перо. Пусть им никто не пишет на месте моем. <...> Я знаю, что я и те, кто пойдет за мною, все обречены на смерть за измену союзу... Но наша смерть будет благородной смертью и осуждением тех, кто нас сметет со своего пути, освобождая себе дорогу к спасению! Пусть я умру за «измену», но моя смерть даст жизнь тем, кто нужнее России, более, чем жалкие обрывки «Русского знамени»²⁶,

– разглагольствовал бывший черносотенец.

²³ Карьера С. Прохожего // Русское слово. 1916. № 280 (4 (17) декабря). С. 4.

²⁴ Карьера С. Прохожего. С. 4.

²⁵ Моя исповедь. Сообщение сотрудника «Русского знамени» Сергея Прохожего. С. 6.

²⁶ Моя исповедь. Сообщение сотрудника «Русского знамени» Сергея Прохожего. С. 6–7.

Перейдя к главному – обвинению вождя ВДСРН в подготовке убийства Милюкова, Гуцулло с тем же пафосом сообщал:

Я открыто заявляю, что г. Дубровин сделал мне предложение «убрать» вредного для России г. Милюкова. Что мне остается делать? Исполнить этого я не могу и не хочу! Отказ от предложения – это моя смерть! <...> Согласись я на предложение г. Дубровина – я также осужден на смерть. <...> Бежать прочь, – но куда я могу убежать от Дубровина? Меня схватят его сообщники, а там и похоронят, как умершего от неизвестной причины²⁷.

«Исповедь» патетически заканчивалась следующими словами:

Я всенародно заявляю и подписью своей свидетельствую, что г. Дубровин ошастливил меня... почетным предложением убрать крамольника, во имя лучших заветов союза, убить, как врага церкви и России...²⁸ Я чувствую, что уже этим признанием осужден на смерть. Гг. Дубровины не щадят «изменников». Но не все ли равно, позже или раньше умереть? Ведь, и доставив удовольствие г. Дубровину, также ждать пощады не приходится. <...> Кто может бросить обвинение против Александра Ивановича Дубровина? Какой суд его в силах судить, и какой обвиняемый в клевете доживет до суда? Но пусть мой голос и Бог-свидетель будут судьями моей совести, моей деятельности. Лучше бежать прочь от него с успокоенной совестью, чем быть исполнителем его «приговоров». Сергей Прохожий – больше не слуга г. Дубровина, не сотрудник его газеты. И если мне суждено умереть ради предупреждения другого, то пусть моя смерть сопричтется к сонму тех, кто лег во славу девизов союза в погромные дни, во имя лучшего будущего России и всех живущих в ней племен и народов²⁹.

Надрывные и патетические строки Гуцулло давили на эмоции, но с фактической стороны были весьма уязвимы для критики. Бьющие через край пафос и самобичевание автора должны были поставить вопрос не только о правдивости всего вышеизложенного, но и о его психическом состоянии. Как справедливо замечал знаменитый фельетонист В.М. Дорошевич, Гуцулло явно

²⁷ Поручение убить П.Н. Милюкова. Письмо в редакцию «Журнала журналов» сотрудника «Русского знамени» г. Сергея Прохожего // Журнал журналов. 1916. № 50. С. 4.

²⁸ Н.Н. Яковлев утверждает, что в одном из интервью Прохожий так передавал сказанные ему Дубровиным слова: «Это должен сделать именно ты, как мобилизованный и призванный отбывать воинскую повинность. Это убийство... должно быть ответом русской армии на последнюю речь, произнесенную Милюковым в Думе». (Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. С. 299).

²⁹ Моя исповедь. Сообщение сотрудника «Русского знамени» Сергея Прохожего. С. 7.

рисовался, писал «с эффектом» и на трех страницах своей «исповеди» раз двадцать заявил о своей «неминуемой» смерти, представляя Дубровина «каким-то всемогущим существом»³⁰. Однако в условиях натиска на самодержавие и медийной кампании оппозиционных сил по дискредитации черносотенного движения эти «откровения» оказались как нельзя кстати. К тому же, они появились в печати как раз в тот момент, когда в отношении Милюкова за произнесенную им 1 ноября думскую речь было возбуждено дело о клевете³¹.

Милюков публично заявил, что относится к разоблачениям Гуцулло вполне серьезно, так как после своей нагнетавшей речи стал получать анонимные угрозы и замечать следящих за ним подозрительных личностей³². Демонстрируя внешнюю невозмутимость, Милюков заверял журналистов, что очередная попытка лишить его жизни уже не вызывает удивления. Он стоически напоминал:

В этом отношении у меня выработался даже известный опыт. Когда в третьей Думе я произнес речь, в которой разоблачил Союз русского народа, на улице меня обступило несколько подозрительных личностей, набросились на меня, сломали пенсне и выбили зуб³³.

Будучи допрошенным в качестве «потерпевшего», Милюков подтвердил свои опасения и заверил следователя, что находится в списке лиц, «подлежащих устранению»³⁴. Соратники Милюкова по партии, как сообщали «Русские ведомости», были «особенно взволнованы», так как не увидели в рассказе Прохожего «ничего невероятного», а лица, близкие к кадетскому вождю, утверждали, что «за ним в последнее время стали следить по ночам, когда он возвращается из редакции “Речи”»³⁵.

³⁰ Дорошевич В.М. Деятель «союза русского народа» // Русское слово. 1916. № 286 (11 (24) декабря). С. 2.

³¹ О привлечении к ответственности члена Гос. думы П.Н. Милюкова, обвиняемого в клевете на председателя Совета министров Б.В. Штюрмера // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 12. Д. 7Б; Привлечение к ответственности П.Н. Милюкова // Русские ведомости. 1916. № 278 (2 декабря). С. 2.

³² К делу С. Прохожего // Киевлянин. 1917. № 15 (15 января). С. 3; Об организации покушения на П.Н. Милюкова // День. 1917. № 48 (20 февраля). С. 1.

³³ Цит. по: Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. С. 299–300.

³⁴ О заговоре против члена Государственной думы Милюкова П.Н. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 1695. Оп. 2. Д. 129. Л. 5.

³⁵ П.Н. Милюков и черная сотня // Русские ведомости. 1916. № 277 (1 декабря). С. 5.

Александр Иванович Дубровин (1855–1921)

Источник: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1742.

Оп. 1. Д. 51471

Дубровин, в свою очередь, заверял читателей «Русского знамени», что с 1910 года в газете действительно изредка печатались статьи Прохожего, но «постоянным сотрудником» издания он никогда не был³⁶. В архиве редакции «Русского знамени» отложились следующие статьи Прохожего за 1910–1914 годы: «На смерть Толстого», «Кое-что о кинематографе», «Петербургские гейши», «Печальное явление. (Несколько слов о современном направлении в русской промышленности)», «“Да здравствует король!” Эпизод из кровавой летописи французской революции», «Забытый юбилей», «Судьба русского хлопководства», «Туркестанские сказки-были», «Дорогу – женщине!», «Кое-что о Пушкине», «Письма с Дальнего Востока», «Печальной памяти великого ересиарха»³⁷. В годы Первой мировой войны он стал писать для поддерживавшего Прогрессивный блок «Вечернего времени», но «почему-то» либеральная пресса не стала акцентировать на этом внимания. Дубровин также

³⁶ Гнусность продолжается // Русское знамя. 1916. № 263 (4 декабря). С. 2.

³⁷ Редакция газеты «Русское знамя». Сотрудники газеты. (Рукописи статей и связанная с ними переписка). Статьи, подписанные псевдонимами. Сергей Прохожий // РГИА. Ф. 786. Оп. 1. Д. 1116. Л. 1–47.

утверждал, что никогда не был знаком с Прохожим лично и не видел его в лицо, поскольку по газетным делам с тем общался секретарь редакции Н.И. Еремченко. Впервые встреча издателя «Русского знамени» и Гуцулло состоялась незадолго до появившихся в печати разоблачений. По словам Дубровина, к нему на квартиру явился человек в форме нижнего чина, вручил карточку, на которой значилась фамилия Гуцулло и пояснил, что он «тот самый» Сергей Прохожий, а целью визита была денежная просьба. Устроившись в Петрограде на частной квартире, Прохожий-Гуцулло просил выдать ему недополученный гонорар и аванс в 25 руб., обещая отработать его статьями. В ходе встречи было условлено, что Гуцулло напишет тексты, освещающие деятельность Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти и немецкое засилье на Дальнем Востоке. Однако денег Дубровин не дал, направив просителя к заведующей финансами газеты Е.А. Полубояриновой. «На этом разговор А.И. Дубровина с Сергеем Прохожим окончился. Более его А.И. Дубровин не видел и никаких сношений с ним не имел»³⁸. От Полубояриновой Дубровин узнал, что Гуцулло ею принят не был и на письмо, отправленное ей, ответа не получил. Однако недоплаченный гонорар был ему полностью выдан в кассе «Русского знамени». Вождь ВДСРН утверждал, что

все остальное представляет вымысел и злостную клевету, по поводу которой не замедлит привлечение виновных к судебной ответственности³⁹.

Однако Гуцулло стоял на своем. Не отрицая, что просил у Дубровина денег на «устройство себе приличной жизни в Петрограде», он утверждал, что с черносотенным вождем у него предварительно состоялось две беседы, в ходе которых тот проверял его на благонадежность. А когда убедился, что перед ним преданный и отважный черносотенец, сделал свое преступное предложение. Объясняя причины своего согласия, Гуцулло вновь рисовал журналистам Дубровина в виде беспощадного и влиятельного криминального авторитета:

Что мне было делать? Сидя у него в дому, в его кабинете, я должен был согласиться, иначе я бы не вышел из дома, а был просто вывезен и сдан на вокзал в качестве «груза» для отправки в армию, в виде ящика с подарками...⁴⁰

³⁸ Гнусность продолжается. С. 2.

³⁹ Гнусность продолжается. С. 2.

⁴⁰ Карьера С. Прохожего. С. 4.

Провожая визитера, Дубровин якобы вручил Гуцулло в качестве аванса две сторублики, вынув их из своей темно-синей бархатной жилетки, и благословил его на «подвиг»⁴¹.

Оппозиционная печать, не удосуживаясь проверкой фактов, постаралась предать признания Прохожего-Гуцулло максимальной огласке. Вновь заговорили об убийствах М.Я. Герценштейна (1906) и Г.Б. Иоллоса (1907), в организации которых в свое время также подозревали Дубровина. «Русские ведомости» писали:

Зловещие и отвратительные призраки прошлого опять встают перед нами. Кто-то решил, что депутат, смело разоблачивший перед страной козни врагов России, должен поплатиться за это жизнью. Кто-то «свистнул», и «на свист» уже к нему «послушно ползет окровавленное злодейство». <...> Может ли русское общество остаться равнодушным... свидетелем? По этому предмету не может быть двух мнений. Ответом должно быть всеобщее требование немедленного, нелицеприятного, исчерпывающего расследования деяний тех лиц и организаций, на которые указывает заявление сотрудника «Русского знамени». И – что важнее всего – это расследование должно быть доведено *до самого конца*, вплоть до главных вдохновителей и руководителей зловещей шайки. Мгла, в которой прячутся темные силы, должна быть во что бы то ни стало рассеяна⁴².

В том же пафосном духе откликнулся на сенсационные заявления Прохожего и Дорошевич, опубликовавший на страницах «Русского слова» три больших фельетона. Нагнетая страхи, «король фельетонистов» предостерегал читателей, что изложенная Прохожим история напоминает французскую реакцию 1792 года, тайное парижское общество «рыцарей кинжала», вызывает тени убитых черносотенцами Герценштейна и Иоллоса и открывает в русской жизни «ужасную полосу». Однако, указывая Дорошевич, ни Прохожий, ни Василевский не предоставили публике твердых доказательств того, что «исповедник» действительно являлся черносотенным боевиком. «А это самое главное, – признавал Дорошевич. – И мы не знаем, кто перед нами. Просто проходимец или злодей?»⁴³. Отмечая, что в рассказе Гуцулло-Прохожего «много неясностей», публицист постарался каждую из них объяснить и подвести читателя к выводу: хоть обличитель Дубровина многое путает, нет сомнений в том, что в главном он не лжет, так как он «не первый обличитель

⁴¹ Карьера С. Прохожего. С. 4.

⁴² Заговор против П.Н. Милюкова // Русские ведомости. 1916. № 277 (1 декабря). С. 3.

⁴³ Дорошевич В.М. Заговор на жизнь П.Н. Милюкова // Русское слово. 1916. № 277 (1 (14) декабря). С. 4.

Союза русского народа из числа [его] “деятелей”»⁴⁴. Немедленно разобраться в этом деле Дорошевич призывал прокуратуру:

Пусть будут забыты убийства Иоллоса и Герценштейна. Но перед прокуратурой новый факт, который требует возбуждения дела и исследования. Человек всенародно делает заявление. Политическая партия имеет террористическую организацию. Он сам к ней принадлежит. Представляет доказательства ее существования и своей принадлежности к ней. <...> Следствие должно не только проверить его слова, но и откопать то, что ему неизвестно в деятельности Союза русского народа. <...> Дело должно быть возбуждено не против только какого-то Сергея Прохожего, но против союза. <...> Преступление <...> слишком велико⁴⁵.

На другой день Дорошевич опубликовал новый фельетон, в котором высказывал следующую версию событий. Черная сотня состоит из двух частей. Первая – это «волкодавы», единомышленники Дубровина, которые готовы душировать революцию силой и запугивать либералов политическими убийствами. Вторые – «вонючки», единомышленники Маркова, которые не марают своих рук, а борются со своими врагами словом, выливая «ушаты помоев на все прогрессивное». В 1905–1907 годах было время «волкодавов», после подавления революции и наступления времени парламентской борьбы пришло время «вонючек». Фельетонист делает следующее заключение:

Но вот обстоятельства снова обостряются. И снова вместо «вонючек» на сцену выпускаются «волкодавы». П.Н. Милюков испытал на себе и тот, и другой способы борьбы. <...> Сейчас охотники, видимо, решили, что пора уже выпускать «волкодавов». Начинаются опять прекрасные дни «Русского знамени»⁴⁶.

Закончил свой триптих Дорошевич статьей, в которой, после разбора психологического портрета «черносотенного громилы» Прохожего, выражались серьезные сомнения в правдивости «исповеди». Дорошевич стал склоняться к выводу, что верить на слово расположенному к эффектам и вранью Гуцулло нельзя, а потому к вопросу о виновности Дубровина «надо подходить с большой осторожностью»⁴⁷. Маститый публицист уже не

⁴⁴ Дорошевич В.М. Заговор на жизнь П.Н. Милюкова. С. 4.

⁴⁵ Дорошевич В.М. Заговор на жизнь П.Н. Милюкова. С. 4.

⁴⁶ Дорошевич В.М. Заговор против П.Н. Милюкова // Русское слово. 1916. № 278 (2 (15) декабря). С. 3.

⁴⁷ Дорошевич В.М. Деятели «союза русского народа» // Русское слово. 1916. № 286 (11 (24) декабря). С. 2.

исключал, что Прохожий мог все это просто придумать, хотя бы для того «чтобы попасть в тюрьму и избавиться от посылки на фронт»⁴⁸. (Здесь стоит отметить, что согласно признаниям самого Гуцулло, его «совершенно неожиданно» мобилизовали в Петрограде в 1916 году, когда он приехал в столицу, чтобы встретиться с Дубровиным. Пришлось вспомнить все свои болезни, чтобы попасть в запасной полк, а не на театр боевых действий⁴⁹). Впрочем, признавать всю эту историю мистификацией Дорошевич также не спешил, так как был уверен в том, что подобное злодеяние было вполне в духе черной сотни. А потому он вновь призывал следствие дотошно изучить все факты из показаний Гуцулло, включая его «подвиги» времен революции 1905 года, чтобы разоблачить «преступное сообщество убийц, грабителей, укрывателей и подстрекателей», вскрыв этот «гнойник до дна»⁵⁰.

С осторожностью отнесся к откровениям Гуцулло и «Южный край». Начав с того, что «темные силы, находящиеся на службе у других темных сил, начинают мстить избранникам населения, отстаивающим благо народа против кучки своекорыстных людей», издание указывало, что между оскорбительной выходкой Маркова и «преступными действиями – актами мести много общего». Назвав «заговор» против Милюкова такой же «отвратительной гнусностью», как убийства Герценштейна и Иоллоса, газета все же оговаривалась: «если только он, действительно, имел место». Либеральное издание заключало:

Дальнейшие события, если не теперь, то когда-нибудь в будущем, выяснят, что за история в данном случае перед нами: бред больного воображения или, действительно, подготовляемые «Союзом русского народа» попытки черного террора⁵¹.

Откликаясь на возмущение «прогрессивного болота», правые издания задавали своим противникам риторический вопрос: негодовали ли они так же, «когда убийцы, исполнявшие постановления парижской конференции, в коей принимал участие и Милюков, сотнями отправляли к праотцам верных слуг Царя»? Автор «Земщины» вопрошал:

Скажите, негодовали-ли вы?.. Призывали-ли вы прокурорский надзор, когда убит был граф Игнатев или когда было покушение на адмирала Дубасова?.. Нет, тогда вы молчали, мало того, ваши единомышленники выражали дикие восторги по случаю каждого убийства, а убийц

⁴⁸ Дорошевич В.М. Деятель «союза русского народа». С. 2.

⁴⁹ Карьера С. Прохожего // Русское слово. 1916. № 280 (4 (17) декабря). С. 4.

⁵⁰ Дорошевич В.М. Деятель «союза русского народа». С. 2.

⁵¹ О заговоре против П.Н. Милюкова // Южный край. 1916. № 13733 (1 декабря). С. 4.

изображали героями. <...> Так смеете ли вы возмущаться нелепым слухом о «покушении»?!⁵²

Но это не означало, что правый лагерь готов был признать возможность причастности Дубровина к покушению на Милюкова.

На жизнь Милюкова, наверно, никто бы не покушался. Эта жизнь для всех русских людей драгоценна. Ведь если бы выдавались премии за крепкие лбы⁵³, то первую премию, несомненно, получил бы Милюков. Так можно ли таким человеком не дорожить, когда он является главой врагов России? ...Таких противников, как Милюков, нужно оберегать как зеницу ока. Они компрометируют только своих же соумышленников... К тому же, в политической борьбе как будто никогда не убивают *лакеев*. Их только бьют...⁵⁴,

– иронизировал правый публицист. Затронув историю с нападением на Милюкова в 1907 году, «Земщина» писала, что с тех пор кадетский вождь превратился в «форменного неврастеника, с навязчивой идеей, сопряженной с чувством отчаянного страха: он боится “черносотенцев”, якобы задавшихся целью убить этого великого человека»⁵⁵.

Правые газеты решительно отказывались верить в правдивость истории, изложенной Гуцулло. «Земщина» писала:

Читая всю эту белиберду, можно было бы пожалеть только доктора Дубровина, так как можно бы заподозрить, что он впал в состояние

⁵² Пронин М. Драгоценная жизнь // Земщина. 1916. № 2540 (4 декабря). С. 3.

⁵³ В свое время Пуришкевич, обращаясь к Милюкову с думской трибуны, процитировал строки басни А.Е. Измайлова «Лгун»: «Павлушка – медный лоб, приличное прозвание! / Имел ко лжи большое дарованье». (См.: Иванов А.А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2020. С. 104.) С тех пор шуточки про «медный» или «крепкий» лоб Милюкова стали в правой среде весьма популярны.

⁵⁴ Пронин М. Драгоценная жизнь. С. 3.

⁵⁵ Рын-Песковский А. Павел Николаевич Милюков // Земщина. 1916. № 2556 (21 декабря). С. 4. Как отмечает современный исследователь, в 1907–1909 гг. «интерпеллянт» обвиняли <...> Союз русского народа в покушении на Милюкова, что немало веселило правых. Действительно, горячие головы время от времени бросались на Милюкова с кулаками, но эти события не назовешь покушениями. К тому же сама жертва была налицо, подписалась под запросом и произнесла речь по его поводу. В те дни лидер кадетов не мог появиться на кафедре без того, чтобы правые не напомнили ему, что он – «труп». По адресу появившегося на трибуне Милюкова справа раздавались возгласы: «Почтение к умершим!», «Это не сам Милюков, это труп Милюкова», «Мертвые сраму не имут» (Седова Я.А. Октябрьский режим. Москва: Алгоритм, 2018. Т. 1. С. 1020–1021).

невменяемости. Помилуйте, человек нанимает убийцу, платит ему авансом 300 рублей и снабжает его «документами», которыми убийца его же шантажирует⁵⁶.

К тому же, отмечал автор «Земщины», документы, «уличающие Дубровина», представляли собой лишь справку о том, что Прохожий сотрудничал с «Русским знаменем», билет на бесплатный проезд по железным дорогам и план квартиры Милюкова. Последний вызывал особенное недоумение:

Кто же, кроме самого Василевского, мог начертить Прохожему план квартиры Милюкова? Дубровин? Да надо полагать, нога Дубровина и всех его друзей не переступала порога этой квартиры. И если у Прохожего оказался план квартиры Милюкова, то или Василевский дал ему этот план, или Милюков позволил Прохожему осмотреть свою квартиру, дабы состряпать «документ», изобличающий Дубровина. Помимо того, для чего мог бы понадобиться план квартиры. Разве подобные убийства совершаются в квартирах? <...> Василевский утверждает, будто Дубровин ободрял Прохожего безнаказанностью убийц Герценштейна и Иоллоса ... Но того и другого убили не на квартирах, а на улице»⁵⁷.

Несколькими публикациями откликнулись на эту историю «Московские ведомости». Рупор московских монархистов, не испытывавший симпатий к Дубровину, как и другие правые издания считал эту историю абсолютно неправдоподобной. «Исповедь» Прохожего называлась «пошлой, нелепой и гнусной», а его разоблачения – «воплями денатурированной души»⁵⁸. Газета напоминала читателям сюжет только что вышедшей пьесы Л.Н. Андреева «Тот, кто получает пощечины», повествующей об интеллигентном человеке, который снискал себе славу тем, что стал работать в цирке клоуном, подставляя под бесконечные удары свое лицо. Автор фельетона восклицал:

Господа, да ведь это самая точная биография П.Н. Милюкова. <...> Ведь и он до поступления в цирк... то бишь в Государственную думу, пропадал в сумерках безвестности. Был приват-доцентом, – его же приват-доцентству не будет конца! Писал книги, статьи, ученые исследования и никто Павла Николаевича признавать не хотел. <...> [Публика] была равнодушна к Милюкову, как к ученому, но... стала сходиться по нем с ума, когда он сделался «тем, который получает пощечины». Это была гениальная выдумка Милюкова: сначала он выступает с речью в Таврическом дворце,

⁵⁶ Пронин М. Ловко влопались // Земщина. 1916. № 2542 (6 декабря). С. 3.

⁵⁷ Пронин М. Ловко влопались. С. 3.

⁵⁸ Неизвестный. Миниатюры // Московские ведомости. 1916. № 283 (8 (21) декабря). С. 4.

потом получает за нее пощечины или на улице, или у себя дома⁵⁹, и, наконец, венчается лаврами от восторженной толпы⁶⁰.

Высмеивая «безмерную жажду славы» Милюкова, автор фельетона считал, что и в этом случае всему виной оказалась именно она. Уже сам факт того, что громкую новость запустил «журнал бумов и сенсаций», говорил, по мнению автора, о многом. В конце фельетона высказывалось следующее «предположение»: Гуцулло, желая поправить материальное положение, скупил множество экземпляров отпечатанной речи Милюкова, и чтобы стимулировать спрос на нее, придумал историю с покушением. Фантазируя о том, как мог состояться сговор между Гуцулло и Милюковым, автор фельетона Р. Серебрянский вкладывал в уста героев этой истории следующие слова:

– Павел Николаевич! <...> Помните, как в третьей Думе? Подозрительные личности, пенсне, зуб, а потом сочувствие, восторги, лавровые венки... Угодно?

Павел Николаевич поднял голову. Глаза его вдохновенно заблистали. Видно было, что у него закружилась голова от жажды новой славы.

– Нет, не то! Мне больше не надо пощечин! Ты... убей меня!

И он объяснил свой план пораженному проходимцу... виноват, Прохожему⁶¹.

Версия о том, что инициатором собственного «убийства» стал Милюков, муслировалась на страницах «Московских ведомостей» и далее. Неизвестный автор прозрачно намекал, что обрушившаяся на М.В. Родзянко после оскорбления Марковым слава переключила внимание общества с ноябрьской речи Милюкова, вызвав зависть последнего. «Прогрессивному старичку казалось, что его парламентская речь мало шуму произвела... Ка-дэцкий старичок в этом отношении ненасытен!»⁶².

Такую же версию событий излагал и «Голос Руси». «Самое глупое положение в жизни, – замечал публицист С.Н. Дурасович, – когда приходится

⁵⁹ Имеется в виду инцидент 9 мая 1908 г., когда журналист газеты «Русь» Н.Е. Попов после объяснения с Милюковым у него на квартире, желая спровоцировать политика на дуэль, ударил его по лицу. См.: *Иванов А.А. «Дело чести»: депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917)*. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2018. С. 191–198.

⁶⁰ *Серебрянский Р.* Московские мысли. III. Тот, который получает пощечины... // *Московские ведомости*. 1916. № 279 (3 (16) декабря). С. 1.

⁶¹ *Серебрянский Р.* Московские мысли. III. С. 1.

⁶² *Неизвестный.* Миниатюры. С. 4.

слезать с пьедестала, на который только что взобрался»⁶³. Высмеивая «мученичество» Милюкова, автор фельетона писал:

Вся Россия, – какое вся Россия, – вселенная, – содрогнулась от ужаса: в тайниках Петрограда раскрылся мрачный, зловещий заговор черносотенцев на жизнь популярного и в России, и в Финляндии, и в Болгарии Павла Николаевича Милюкова. <...> Услышав исповедь черносотенца г. Василевский вздрогнул. <...> За г. Василевским вздрогнул Гессен. За Гессеном вздрогнули Кугель и Заславский. И наконец сам маститый В.М. Дорошевич подернулся нервным тиком и написал в «Русском слове» зловеще-красивый, как черный бриллиант, фельетон в 400 строк. Под волшебным пером «короля фельетонистов» встали видения. 1792 год... Тайные судилища роялистов-шуанов... Заговоры в потемках подвалов и склепов. Благословение мечей. Кавалеры св. Людовика. Иоллос... Герценштейн... Призраки 5-го года... <...> И пока раскрывался заговор, личность Милюкова все росла и росла. Вот он уже не Милюков, а статуя. Глаза воздеты к небу. Одна рука прижата к груди, другая простерта. На голове венец терновый. Мученик! Жертва фанатизма. «Народ, смотри и благоговей!»⁶⁴.

Считая, что истинная подоплека всей этой истории заключалась в том, что обиженный на Дубровина Гуцулло предложил Василевскому за небольшой гонорар исполнить «эффектную арию», Дурасович заключал: «Прохожий – проходите дальше. Не до вас нынче. А вы, почтенный Павел Николаевич, очистите местечко мученика»⁶⁵.

Высмеял эту историю на страницах «Голоса Руси» и известный публицист А. Ренников (А.М. Селитренников). Не являясь сторонником вождя черной сотни, автор фельетона оговаривался: «я не становлюсь на сторону Дубровина, мало ли на что способен доктор и его союз!»⁶⁶ Но с первых же строк заметки Ренников давал понять, что единственная цель этой сенсации – желание Василевского привлечь новых подписчиков.

Есть в Петрограде один уличный журналчик, занимающийся всевозможного рода сенсациями. Ревет ли зверь в лесу глухом, – поет ли дева за холмом, – редактор этого журналчика – юркий, смысленный одессит, – сейчас же шлет в публику свой обработанный отзыв.

⁶³ Ювенал (Дурасович С.Н.) Мученик по контрамарке // Голос Руси. 1916. № 1035 (6 (19) декабря). С. 1.

⁶⁴ Ювенал (Дурасович С.Н.) Мученик по контрамарке. С. 1.

⁶⁵ Ювенал (Дурасович С.Н.) Мученик по контрамарке. С. 1.

⁶⁶ Ренников А. Заговор // Голос Руси. 1916. № 1033 (10 (23) декабря). С. 2.

Относительно зверя успокаивает читателя, что редакцией спешно отправлен в глухой лес сотрудник журнала разузнать, в чем дело; что же касается девы, поющей за холмом, то о ней сообщается кошмарная история. В редакцию являлся очевидец в черной маске, который взял с редактора честное слово, что он не сдерет этой маски с лица во все время беседы. И этот очевидец рассказал о деве нечто такое, от чего волосы становятся дыбом и что может быть помещено журналом только в конце декабря, причем желающие знать продолжение истории должны подписаться на журнал на весь 1917 год,⁶⁷

– иронизировал Ренников. Оценивая правдоподобность раскаяния Прохожего-Гуцулло, фельетонист отмечал: «но г. Прохожий пошел дальше. Пошел гораздо дальше, чем можно идти даже в декабре перед подпиской на бульварный журнал». А для того чтобы высмеять саму историю, которую поведал Прохожий, Ренников сообщал читателям фельетона, что к нему тоже на днях явился «редактор левого бульварного журнальчика», который предложил ему совершить «громадное дело для родины» и заодно подзаработать, «убрав» Маркова 2-го. Заверив, что ответственность за это убийство будет «не более, чем за Милюкова», герой рассказа Ренникова указал место, «где легко будет поставить мортиру», чтобы навесным огнем «через соседний дом, улицу и переулок» ликвидировать правого политика, когда тот будет подходить к Таврическому дворцу.

Редактор, уходя от меня, вынул из темно-красной бархатной жилетки две сотенных бумажки и, подавая, сказал: «Мортира, конечно, на ваш счет. До свидания. Кстати: смотрите, не смейте раскаиваться в «Русском знамени», адрес которого найдете во «Всем Петрограде»! <...> Я остался один и долго сидел в кабинете, как сумасшедший. Но как быть? Сообщить прокурору? Или, действительно, пойти к Дубровину, рассказать ему это все, пока не закончилась подписка на «Русское знамя» и увеличить ему, бедному, тираж?»⁶⁸

Дубровинское «Русское знамя», также опубликовавшее на своих страницах фельетон Ренникова, от себя добавляло, что задача «гнусной клеветы» не только «в целях увеличения подписчиков паскудного журнальчика». Указывая на то, что ужасные обвинения в адрес Дубровина посыпались со страниц оппозиционной прессы сразу же вслед за травлей теми же газетами другого

⁶⁷ Ювенал (Дурасович С.Н.) Мученик по контрамарке. С. 1.

⁶⁸ Ювенал (Дурасович С.Н.) Мученик по контрамарке. С. 1.

вождя русских правых – Н.Е. Маркова 2-го, «Русское знамя» характеризовало эту кампанию как «акт желтого террора»⁶⁹.

Защищая своего вождя от «грязных инсинуаций», «Русское знамя» также указывало на то, что заказчиком этого громкого скандала мог быть и сам Милюков:

Кому и для чего, собственно, понадобилось «организовать» на Милюкова какое-то «покушение»? Бить его, как известно, действительно многие били: били по физиономии рукой, облеченной в плотную непроницаемую перчатку, били хлыстом по другому месту, без перчаток, били, кажется, палкой по спине, били... Да мало ли чем и по чем его били?.. Все это лишь доказывает, что если так легко доступны для битья физиономия и «другие места», принадлежащие Милюкову, то и весь он был столь же доступен битью – хотя бы и самому беспощадному... Однако, ничего подобного не произошло. Отхлестали – и ступай с Богом, да не греши больше; а будешь грешить, – опять вздуют!.. Если даже г. Милюков своими новыми грехами и заслужил новую взбучку, так ведь и доступ к нему остается таким же свободным, как и прежде... Ведь Милюков есть первый поборник свободы и всем охотно подставляет свою физиономию и «прочие места». При чем же тут – «покушение», «организация», ненужная таинственность?.. Все – для рекламы, для пущей шумихи, для славы... Вот, де, Милюкова не только когда-то били, но и покушались...⁷⁰

Поэт А.И. Тиняков, в годы Первой мировой войны активно публиковавшийся на страницах «Русского знамени», также не прошел мимо этой истории. Называя Василевского не иначе как «Вошкиным», Тиняков не скупился на бранные слова в адрес редактора «Журнала журналов», напирая на его еврейское происхождение. Тиняков писал:

Конечно, никто из левых проходимцев не допускает и мысли о том, что правые собираются «убивать Милюкова». Левые не хуже правых знают, что Милюков, несмотря на свое профессорское звание, в сущности, – пустяковый человек; левые знают, что убивать Милюкова никакие политические деятели не будут, потому что таких «противников» не опасаются, а более презирают. Но левой черни важно натравить левоверную и темную часть читающей публики на правую печать вообще. Вот почему и Вошкин так усиленно подчеркивал, что Гуцулло – сотрудник «Русского знамени», хотя Гуцулло, как оказывается, – сотрудник и «Вечернего времени», и журнала «Природа и люди», – одним словом,

⁶⁹ Обзор печати. Заговор клеветников // Русское знамя. 1916. № 268 (11 декабря). С. 2.

⁷⁰ [Передовая статья] // Русское знамя. 1916. № 265 (8 декабря). С. 1.

«вообще литератор»! Этой вредоносной цели своей Вошкины, несомненно, достигли: клевета пущена, шум поднят, злоба раздута, и левые тупоумцы долго еще будут повторять клевету слабоумного Василевского и очевидно озлобленного Гуцулло⁷¹.

Во время следствия оппозиционная печать предвкушала, что со дня на день Дубровин будет обвинен в организации убийства. Тем временем Прохожий-Гуцулло не спешил давать показания, предпочитая делать заявления через прессу. Василевский передал следователю записи, полученные от Гуцулло, заявив, что последний скрывается, так как «боится попасть в руки дубровинцев»⁷². Комментируя это признание, правая газета замечала:

К прокурору доносчик-шантажист обращается не лично, а через посредство Василевского, якобы из опасения быть убитым... Однако, Прохожий не опасается подавать заявления через Василевского, оглашающего в печати его имя... Диковинное опасение... Очевидно, Прохожий опасается не Дубровина, а допроса следователя, на котором может провалиться... Возможно и другое предположение, – не опасается ли Прохожий ответственности за ложный донос?⁷³

Однако в конце концов Гуцулло пришлось давать свои показания очно. После общения с ним следствие пришло к выводу, что за голословными обвинениями Гуцулло не стоит никаких фактов. Накануне революции, 21 февраля 1917 года, газеты сообщали, что после очередного допроса следователь распорядился произвести психиатрическое освидетельствование Гуцулло. И. о. прокурора петроградской судебной палаты Н.А. Громов, ставший свидетелем его допроса, вынес впечатление, что Гуцулло «больной человек»⁷⁴. Выяснилось, что Гуцулло посещал супругу Милюкова и также просил у нее денежную помощь. Таким образом, план милюковской квартиры был известен ему и без Дубровина⁷⁵. Из материалов следственного дела видно, что Гуцулло перед тем, как предложить свою «исповедь» печати, в частных разговорах сперва сообщал секретарю «Нового журнала для всех» С.А. Зусеру (будущему советскому историку и археологу) о готовящемся убийстве председателя Государственной думы М.В. Родзянко, а затем уже небескорыстно (за 100 руб.) передал свои откровения Василевскому, причем

⁷¹ Тиняков А. На злобу дня // Русское знамя. 1916. № 265 (8 декабря). С. 2.

⁷² Заявление С. Прохожего // Речь. 1916. № 334 (4 декабря). С. 6.

⁷³ Пронин М. Ловко влопались. С. 3.

⁷⁴ К покушению на П.Н. Милюкова // День. 1917. № 35 (6 февраля). С. 3.

⁷⁵ К делу С. Прохожего // Киевлянин. 1917. № 52. (21 февраля). С. 3.

просил последнего взять его в штат сотрудников⁷⁶. Органы прокурорского надзора, не найдя никаких оснований для задержания Дубровина, разрешили последнему выехать из Петрограда в орловское имение жены⁷⁷.

Следствие, затянувшееся до Февральской революции, так ничем и не закончилось⁷⁸. Установить или опровергнуть наличие у Дубровина преступного замысла оно так и не смогло. «Речь» признавала, что по российским законам наказать за подстрекательство к убийству, если оно не было совершено, практически невозможно, но выражала надежду, что Дубровина привлекут за подготовку убийства⁷⁹. Между тем, поползли слухи о том, что в тюрьме придется сидеть не Дубровину, а самому Гуцулло. Поэт В.А. Пяст (Пестовский) в начале 1917 года в письме к А.А. Блоку сообщал:

Сергея Гуцулло (Прохожего), автора поклепа на Дубровина, <...> посадили в Екатеринбургскую тюрьму и будут судить за преступления, совершенные им в качестве члена с. р. нар. в Одессе, преступления, в котор[ых] он сознался прокурору, «оговаривая» Дубровина⁸⁰.

В конце января 1917 года «Петроградский листок» вынужден был признать, что «летучий голландец Союза русского народа» Гуцулло «“работал” за 30 сребреников», «болтаясь по “левым” редакциям» и «трепал языком о разных небылицах»⁸¹. Эмигрантский историк С.П. Мельгунов (бывший кадет и народный социалист) также признавал, что разоблачения Гуцулло оказались «значительно раздутыми», а сам обвинитель Дубровина «должен быть отнесен к категории людей, психически не совсем нормальных»⁸². После победы Февральской революции Гуцулло вызывался в Следственную комиссию, занимавшуюся провокаторами, но в деле отложился лишь один листок — заявление самого Прохожего, в котором в свойственном ему пафосном тоне приветствовались новая власть, «великое дело освобождения России» и выражалась готовность отдать за революцию свою жизнь⁸³.

⁷⁶ О заговоре против члена Государственной думы Милюкова П.Н. // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 129. Л. 1 об., 3.

⁷⁷ Отъезд А.И. Дубровина // Петроградский листок. 1917. № 10 (11 января). С. 4.

⁷⁸ Деревнина Е.А. Судебные дела, связанные с депутатами Государственной думы (по материалам ЦГИА СПб). С. 28–29.

⁷⁹ К заявлению С. Прохожего // Речь. 1916. № 342 (12 декабря). С. 3.

⁸⁰ Александр Блок. Т. 92. Новые материалы и исследования / под редакцией В.Р. Щербины. Москва: Наука, 1981. Кн. 2. С. 222.

⁸¹ Собираются старцы // Петроградский листок. 1917. № 30 (31 января). С. 2.

⁸² Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире (канун революции). С. 301.

⁸³ Заявление Прохожего-Гуцулло С. и Каспревича в следственную комиссию по делам о провокаторах // ГАРФ. Ф. 6281. Оп. 1. Д. 56. Л. 4.

Заключение

Начавшаяся в конце февраля 1917 года революция переключила внимание современников на другие сюжеты. Впрочем, интерес публики к несостоявшемуся покушению на Милюкова стал угасать уже в январе 1917 г. Сенсация быстро сдулась, разочаровав всех тех, кто ждал от нее громких разоблачений. Установить, что в показаниях Гуцулло было правдой, а что ложью, крайне трудно. Нравственный облик этого человека не вызывал никаких симпатий даже у тех, кто преподносил его «откровения» как неоспоримые факты. Не могло не обращать на себя внимание и то, что многое в этих заявлениях было натянутым и нелогичным. Маловероятно, что Дубровин сходу доверил такое опасное дело человеку, которого едва знал, да еще и снабдил его компроматом на себя. А то, что эти разоблачения появились в печати именно в тот момент, когда шла массированная атака на правый лагерь, заставляет сомневаться в их правдивости еще больше. Когда же в печать просочилась информация о том, что следствие намерено провести психиатрическое освидетельствование несостоявшегося убийцы, изложенная им версия стала еще более зыбкой. Было ли содержание состоявшегося разговора с Дубровиным выдумкой Гуцулло, или же вождь Черной сотни на самом деле намекнул ему на желательность устранения Милюкова, проверить невозможно. Вокруг Дубровина, действительно, крутилось немало «темных личностей», и не раз люди, которых он воспринимал как верных соратников, предавали его, снабжая компроматом на вождя черной сотни оппозиционные издания.

С одной стороны, эта история во многом повторяла сюжет с покушением на Герценштейна, причастность Дубровина к которому широко обсуждалась, но не была доказана. (Тогда показания против Дубровина дали его бывшие соратники М.Н. Зеленский и А.И. Пруссаков). С другой стороны, в отличие от реальной трагедии – смерти Герценштейна, шутки над которой выглядели безнравственными и вызвали справедливое осуждение, «покушение» на Милюкова быстро приобрело комическую окраску. Пафосные разоблачения Гуцулло, устрашающие предупреждения либеральных изданий, обличения злодеяний черной сотни не достигали своей цели, поскольку с Милюковым ничего не случилось, за исключением того, что он в очередной раз привлек сочувственное внимание оппозиционной прессы к своей персоне и на короткое время обрел «славу мученика»⁸⁴. Показательно, что впоследствии и сам Милюков не стал возвращаться к этой истории, хотя до конца своих дней был убежден в том, что Дубровин желал его смерти. Даже после реального покушения в 1922 году на бывшего кадетского вождя в Берлине, когда двое

⁸⁴ Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. С. 300.

молодых монархистов-эмигрантов стреляли в него в отместку за знаменитую ноябрьскую речь и его роль в Февральской революции, ни сам Милюков, ни его сторонники не вспомнили про это несостоявшееся убийство. Предположим, что причина такого забвения заключалась в том, что эта история не столько навредила Дубровину, в «кровожадности» которого в левом лагере и так никто не сомневался, сколько поставила в неловкое положение всех тех, кто придал разоблачениям явно неуравновешенного Гуцулло крайне серьезное значение. Если же допустить, как предполагали правые, что публичное выступление Гуцулло было инспирировано Василевским, чтобы поднять интерес публики к издаваемому им журналу, «уничтожить» Дубровина и сделать политическую рекламу Милюкову, то тогда ответ на вопрос о причинах, заставивших кадетского вождя не распространяться об этой истории, становится очевидным. Как бы то ни было, история, начинавшаяся как трагедия, переросла в фарс и осталась без какого-либо вразумительного финала.

Introduction

In the late autumn of 1916, the political situation in the Russian Empire came to a head. The fifth session of the Fourth State Duma, which was opened on November 1 with the famous speech “Stupidity or Treason?” by leader of the Cadet party Pavel N. Milyukov, turned into an assault on power. The opposition representatives castigated the government and revolutionized society. On November 19, the right-wing deputy Vladimir M. Purishkevich attacked the “camarilla” and Rasputin followers with his “historic” speech; three days later it was followed by the huge political scandal caused by the speech of Nikolay E. Markov, the leader of the rightists, who tried to refute the opposition’s accusations and, as a result, insulted the chairman of the State Duma, Mikhail V. Rodzyanko. All those events excited the public even more.¹ The already weakened monarchist community began to break up. Purishkevich’s defection to the opposition, the split in conservative group regarding Markov’s stunt, the retreat of many rightists, – all this was covered by the metropolitan and provincial press in late November and early December 1916. Except for a few Black Hundred newspapers, the press stood up for the progressists and Rodzyanko who had been insulted. A heavy opposition campaign was launched by the liberal press against the rightists, and its goal was to completely discredit the defenders of autocracy. Supported by their friendly press, the influential opposition politicians energetically and successfully acted to weaken the right-wing faction in the State Duma, making its members to break with their leaders, who were pictured odious and completely bereft of public support.² The Black Hundred communities were also heavily attacked. D. Stogov rightly points out that in the late 1916 and early 1917, “the liberal press . . . intentionally shaped a negative image of monarchists in the minds of people” and “that campaign was very successful.”³

Under those circumstances, a new scandal broke out: in early December 1916, newspapers published shocking information about imminent assassination of

¹ See A.A. Ivanov, *Leader of the Black Reactionaries: Nikolai Evgen'evich Markov* [in Russian] (St Petersburg: Vladimir Dal', 2023), 391–403.

² See A.B. Nikolaev, “From the History of the Split of the Right-Wing Faction in the Fourth State Duma (November–December 1916)” [in Russian], in *Startsev Readings – 2006: For the 75th Anniversary of Professor Vitaly Ivanovich Startsev (St Petersburg, September 14–15, 2006): A Collection of Memoirs and Scientific Articles*, ed. B.D. Galperina, and A.B. Nikolaev (St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena, 2007), 143–54; A.B. Nikolaev, and E.S. Gavroeva, “M.V. Rodzyanko and the Split of the Right-Wing Faction (November – December 1916)” [in Russian], *Universitetskii nauchnyi zhurnal*, no. 41 (2018): 13–23, <https://doi.org/10.25807/PBH.22225064.2018.41.13.23>

³ D.I. Stogov, “The Image of the Black Hundreds in the Russian Liberal Press (1916 – first half of 1917)” [in Russian], in *The 1917 Revolution in Russia: New Approaches and Views*, comp. A.B. Nikolaev (St Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena, 2013), 6–15.

Milyukov, the informal leader of the progressists, by the monarchists. However, despite its sensationalism, that event was not widely known.

Pavel Nikolaevich Milyukov (1859–1943)

Source: Website of the Boris Yeltsin Presidential Library. <https://www.prilib.ru/node/438152>

Milyukov himself did not recall that episode. According to his memoirs, the Black Hundreds gave him a death sentence back in the days of the First Russian Revolution, and together with his companion M. Herzenstein (who was killed by right-wing militants in 1906), he was included in the list of “the doomed.”⁴ Milyukov provided some details: in the windows opposite his office, he saw “mysterious preparations,” and a fatal shot might be fired from there. Also, a “black militant,” medical assistant Smirnov, who was traveling on a mission to kill Milyukov,⁵ was detained on the border of Russia and Prussia. The leader of the Cadet party also described in detail how the “right-wing terrorists” attempted his assassination in 1907; according to him, it was made on the personal instructions of A. Dubrovin, the leader of the Union of the Russian People (URP). However, as Milyukov wrote, the assassination had boiled down to a couple of smacks given him on Liteiny Prospekt by an intoxicated

⁴ P.N. Milyukov, *Memoirs* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1991), 268–69.

⁵ Milyukov, *Memoirs*, 283.

“middle-class” young man. As a result, Milyukov’s bowler hat was thrown away and his pince-nez was broken.⁶ As for an attempt to shoot him in 1916, Milyukov did not talk about it in his memoirs. On the occasion of the politician’s 70th anniversary, his companions in exile published a collection of articles and memoirs about him. They praised “the rare fearlessness” of their leader and vividly described the cadet leader’s life hanging by a thin thread during the Black Hundred reaction of 1906–07 and that “he was hunted by the squads of the Union of the Russian People.” They also mentioned his wife, who, “from day to day for many years” “dozens of times a day froze in horror thinking whether they would bring Pavel Nikolaevich home wounded or killed.”⁷ But the “assassination attempt” of 1916, which could have confirmed that the hunt for Milyukov was conducted “for many years,” was never mentioned.

The research works devoted to the life and activity of Milyukov do not mention the failed assassination attempt in 1916.⁸ The authors either casually noted the hooligan attack mentioned above or, for obvious reasons, focused on a real assassination attempt that took place already in exile, when the right-wing monarchists P. Shabelskii-Bork and S. Taboritskii shot Milyukov but fatally wounded another cadet, V. Nabokov.⁹ There was no indication of 1916 story either in the works about the Black Hundred and its terror or in the articles about Dubrovin, who turned out to be the main suspect again. Researchers of the Black Hundred movement also focused only on the first attack on Milyukov, citing the testimony of a former companion of Dubrovin, A. Prussakov, who claimed that the Black Hundred leader had ordered the squads to “hit Milyukov with brass knuckles on the back of his head near the temple” and generally “whack him heavily.”¹⁰ The only exceptions are three works: an emigrant study by S. Mel'gunov, a monograph by N. Yakovlev, and a short article by

⁶ Milyukov, *Memoirs*, 282–83.

⁷ O. Gruzenberg, “To My Old Friend” [in Russian], in *P.N. Milyukov. A Collection of Materials on his Seventieth Birthday. 1859–1929*, ed. S.A. Smirnov et al. (Paris, 1929), 186.

⁸ See G. Chernyavskii, and L. Dubova, *Milyukov* [in Russian] (Moscow: Molodaya Gvardiya, 2015); A.A. Kara-Murza, “Pavel Nikolaevich Milyukov: ‘To Follow the Course of Combining Liberal Tactics with the Revolutionary Threat...’” [in Russian], in *Russian Liberalism: Ideas and People*, ed. A.A. Kara-Murza (Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007), 526–38.

⁹ K.A. Chistyakov, “Assassination Attempted against P.N. Milyukov by P.N. Shabel'skii-Bork and S. Taboritskii in Berlin on March 28, 1922” [in Russian], *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 1 (6) (2002): 121–25; K.D. Kotel'nikov, “Attempt on P.N. Milyukov in Berlin in 1922 and Assassination of V.D. Nabokov: Testimony of the Accused, Monarchist P.N. Shabel'skii” [in Russian], *Vestnik arkhivista*, no. 3 (2018): 867–81, <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-3-867-881>; K.D. Kotel'nikov, “Attempt on P.N. Milyukov and Assassination of V.D. Nabokov in Berlin in 1922: Testimony of the Accused, Monarchist S.V. Taboritskii” [in Russian], *Vestnik arkhivista*, no. 4 (2018): 1163–74, <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-4-1163-1174>

¹⁰ S.A. Stepanov, *The Black Hundreds. What Did They Do for the Greatness of Russia?* [in Russian] (Moscow: Yauza-press, 2013), 253.

E. Derevnina. The first work only mentions “the assassination attempt” of 1916.¹¹ The Soviet historian who authored the second one dwelled on the attempt in more detail, describing it as an effort “of the rightists to hold on to already lost positions,” similar to “the swings of a broom before the terrible flood of popular anger.”¹² The third study briefly represents this incident on the basis of a court case.¹³

Meanwhile, this small episode from the history of pre-revolutionary Russia is very interesting for a number of reasons. First of all, it adds new details to the characterization and political biography of Milyukov and Dubrovin; secondly, it is of undoubted value for studying the technologies of black PR and the specifics of media wars that were waged in the Russian press on the eve of the fall of the autocracy; thirdly, it provides new material for understanding the issue of the “Black Hundred terror” and its presentation in the periodicals of that time.

Main body

The failed assassination of Milyukov was preceded by the following events. In December 1916, the opposition made a splash: editor of the *Zhurnal Zhurnalov* I. Vasilevsky, known under the pseudonym Ne-Bukva, told the capital newspapers about a plot against P. Milyukov, the leader of the Cadet party and the progressists. A. Dubrovin, the head of the Black Hundred group, the chairman of the All-Russian Dubrovin Union of the Russian People (VDSRN) and the publisher of the *Russkoe Znamya* newspaper, was claimed to be the organizer of the plot. According to Vasilevsky, a “regular employee of the *Russkoe Znamya*,” “the true nestling from Dubrovin nest,” Sergei Prokhozhi (S. Gutsullo) approached him and said that on November 18, 1916 Dubrovin had ordered him to kill Milyukov. In the presence of witnesses, the visitor with a “nervous face” and “sharp movements” said that the assassination of the leader of the Russian liberals was supposed to be a response to his sensational speech delivered in the State Duma on November 1, which contemporaries had already called “the storm signal of the revolution.” Gutsullo said that Dubrovin had personally given him 300 rubles to complete the task. Gutsullo further said that he had been provided with a layout of Milyukov’s apartment, the URP tea room opposite the apartment had been indicated, from where it would be

¹¹ S.P. Mel'gunov, *The Legend of a Separate Peace (The Eve of the Revolution)* [in Russian] (Paris: [n. p.], 1957), 301.

¹² N.N. Yakovlev, *August 1, 1914* [in Russian] (Moscow: Algoritm, 2003), 298–300.

¹³ E.A. Derevnina, “Court Cases Related to the Deputies of the State Duma (Based on the Materials of the Central State Historical Archive of St Petersburg)” [in Russian], in *Tauride Readings 2013. Current Problems of Parliamentarism: History and Modernity: International Scientific Conference (St Petersburg, December 11–12, 2013)*, ed. A.B. Nikolaev, pt. 2 (St Petersburg: ElekSis, 2014), 28–30.

“convenient to shoot,” and the escape routes through the backyards had been marked. When asked by Gutsullo about responsibility, Dubrovin allegedly laughed and said:

No more responsibility than for Herzenstein and Iollos and all other bastards. And if you manage. . . to escape, you will stay out of sight, and I will be the only one who knows about you.¹⁴

However, when asked about the evidence that could confirm the truth of his words, Gutsullo replied: “What evidence is possible here? Such orders are given only in private.”¹⁵

Gutsullo entreated:

I was sent to kill Milyukov. . . I can’t, I don’t want to! . . I don’t need anything, I just need to tell the truth. . . Inform Milyukov about it. Announce it in the press. Do what you know, do not let the evil deed happen!¹⁶

A week later, the *Zhurnal Zhurnalov* published Gutsullo’s letter and “confession,” in which he told about his Black Hundred past and about the “enlightenment” that had made him break with the rightists and announce Dubrovin’s murderous plans. The author of the “confession” described in detail how a “conscious ideological young man” turned into a Black Hundreds member, which resulted in his “moral death.” Speaking about his extreme poverty, Gutsullo admitted that he was dreaming about revenge on all those who lived in prosperity, and this opportunity presented itself to him when he joined the Odessa URP squad in 1906. Gutsullo was nicknamed Sokol and was given a state issued revolver and the benevolence of the “appointed leader” of the squad, D. Chernikov (Ermak). And then he became one of those “who kept the whole Odessa in terror.” The former Black Hundred member confessed:

It hurts to remember what cruelty we did to the residents of Odessa in those days. Our deeds left a sad memory everywhere we were sent to “pacify sedition.” And we pacified it with such passion that even the police would interfere in our “deeds.” . . . We easily obtained all sorts of resources. And what was missing, we took ourselves. At night, we invaded the homes of ordinary people and ransacked

¹⁴ “On the Case of Sergei Prokhozhi” [in Russian], *Yuzhnyi Krai*, no. 13741, December 5, 1916, 2.

¹⁵ “A Conspiracy to Kill P.N. Milyukov” [in Russian], *Kievlyanin*, no. 335, December 3, 1916, 1–2.

¹⁶ I. Vasilevskii (Ne-Bukva), “On the Confession of a Penitent” [in Russian], *Zhurnal Zhurnalov*, no. 50 (1916): 3.

them, and it was our entertainment. Extortion alternated with robbery, and robbery did with extortion.¹⁷

Послѣдній портретъ г. Прохожаго.

Sergei Prokhozhi (S.I. Gutsullo) in 1916
Source: *Zhurnal Zhurnalov*, no. 50 (1916): 7

Prokhozhi-Gutsullo described in detail how he and his associates pacified the strike in the port of Odessa, how they fought with revolutionary militants and in response to the terrorist attacks of the leftists, they drowned the perpetrators “at the anchorage in the bay with iron grates on their feet.”¹⁸ “After this, what could I be like?” Gutsullo

¹⁷ “My Confession. An Announcement by Sergei Prokhozhi, an Employee of the *Russkoe Znamya*” [in Russian], *Zhurnal Zhurnalov*, no. 50 (1916): 5.

¹⁸ “My Confession,” 5.

wrote. “Even at that time I considered myself a scoundrel, and now I do so even more.”¹⁹

When the revolution was suppressed and the Black Hundred squads were disbanded, Gutsullo tried to get a job as a security agent, but, as he wrote, he was quickly fired because having tracked down a group of anarchist communists, he was so impressed by their heroism that he could not expose them. Then he decided to try his hand at journalism. In 1908, he started to contribute to the Odessa Black Hundred newspaper *Russkaya Rech'* then moved to St Petersburg, where he became an author of the Dubrovin's *Russkoe Znamya*.

Gutsullo complained:

From 1909 to 1916 I was a regular employee of this newspaper. . . At the same time, I applied to other editorial offices, such as the *Niva*, *Priroda i lyudi*, *Prekrasnoye Daleko*, etc. Having published once printed, they let Sergei Prokhozhi go from everywhere because of working for the *Russkoe Znamya*.²⁰

Emphasizing that the contempt of liberal publishers and editors angered him, Gutsullo claimed that while working for the *Russkoe Znamya*, he was taking revenge on his enemies. Prokhozhi continued his revelations:

It is impossible to list everything I have done for the time of my collaboration with the *Russkoe Znamya*. The provincial press is full of stories about my adventures, but the all-powerful name of Dr. Dubrovin has always been my shield. No matter what I did, I always got away with it, because the card of A.I. Dubrovin was the key to every door that opened favorably and let me pass. I needed a gun and I immediately received it together with the permit. How could I not get insolent and proud of my *oprichnik* armor? All decent people, from the workers to the nobility, turned their backs on me. I was not strong enough to throw off all the temptations of my position and I suffered. And when someone “over-insulted” me with their contempt, I enjoyed all the privileges given to the Black Hundreds and committed “iniquities on legal grounds” and I found joy in the suffering of others.²¹

Later, in a letter to the prosecutor of the Petrograd District Court, Gutsullo added the following details to his story. From 1912 to 1916, using Dubrovin's money, he traveled through the Asian part of the empire “from Vladivostok to Batum, from Przhevalsk to Tashkent,” spending up to 4 thousand rubles a year. The purpose of the trip was a personal assignment of Dubrovin: to keep in touch with the local

¹⁹ “My Confession,” 5.

²⁰ “My Confession,” 6.

²¹ “My Confession,” 6.

departments of the union and imitate the vigorous activity of Dubrovin followers in the east of the country by means of correspondence to the *Russkoe Znamya* and its deep awareness.²²

When I published various sensational stories from Tashkent, or Verny, or Kamchatka, or Persia, I gave Dubrovin a possibility to speak out loud: “We have eyes and ears everywhere. We listen carefully to every rustle of Russian life.”²³

Moreover, Gutsullo added that he made various political inquiries and collected information for Dubrovin. Posing himself as a representative of left-wing editions, he did his best to compromise the left-wing press in the eyes of the provincial public. “I was paid for that and I lived better than I needed to,” Gutsullo confided.²⁴

Then the author of the “confession” told about his deep disappointment with Dubrovin, the “giant” and “pillar” of the Union, whom he now considered a “conscious enemy of monarchism and Russia in general.” Gutsullo also wrote about his personal revaluation of all his previous activities:

I cannot contribute any more to the *Znamya*. Morally degraded as I am, I have not yet reached the point and principles used by Dubrovin and his newspaper to estimate patriotism!²⁵

Both the “letter” and “confession” were written in an extremely pretentious tone.

It is my duty, my duty to remember first of all that I am a Russian person without true Russian etiquette. And, being a Russian, I must give my life to my homeland if I want to honestly consider myself who I want to be! And I want, at least at the last moment, to remember my duty to my motherland and at least partially compensate it for all that I had done to it during the long years of serving the ideas of the *Russkoe Znamya*. Leaving the community of this newspaper, I look back and feel shame for my permanent service to it, and I break my pen. Let no one write to them instead of me. . . I know that I and those who will follow me are all doomed to die for the betrayal of the Union. . . But our death will be a noble death and the condemnation of those who will sweep us from their way, clearing their way to salvation! Let me die for “treason,” but my death will give life to those who are more necessary to Russia, more necessary than the pathetic remnants of *Russkoe Znamya*,²⁶

²² “Statement by S. Prokhozhi” [in Russian], *Rech'*, no. 334, December 4, 1916, 6.

²³ “Career of S. Prokhozhi” [in Russian], *Russkoe Slovo*, no. 280, December 4 (17), 1916, 4.

²⁴ “Career of S. Prokhozhi,” 4.

²⁵ “My Confession,” 6.

²⁶ “My Confession,” 6–7.

declared the former member of the Black Hundred s.

Turning to the key point, accusing the VDSRN leader of preparing the assassination of Milyukov, Gutsullo reported with the same passion:

I openly declare that Dubrovin offered me to “get rid of” Milyukov, who is harmful to Russia. What should I do? I cannot and do not want to execute this task! Refusing means my death! . . . Should I accept Dubrovin’s offer, I will also be condemned to death. . . . Should I escape, but where can I hide from Dubrovin? His companions will capture me and then bury me as if I had died of an unknown reason.²⁷

The “confession” ended pathetically with the following words:

I publicly declare and bear witness with my signature that Mr. Dubrovin has blessed me. . . with an honorable proposal to kill the seditionary for the sake of the best precepts of the Union, to kill him as an enemy of the church and Russia. . . .²⁸ I feel that I am already condemned to death by this confession. The Dubrovin’s followers do not spare the “traitors.” But what does it matter if you die later or sooner? After all, even after giving pleasure to Mr. Dubrovin, there is also no need to wait for mercy. . . . Who can bring charges against Alexander Ivanovich Dubrovin? What court can try him, and what accused of slander will live to see the trial? But let my voice and God the Witness be the judges of my conscience and my activity. It is better to run away from him with a calm conscience than to be the executor of his “sentences.” Sergei Prokhozhi is no longer a servant of Mr. Dubrovin, nor an employee of his newspaper. And if I am destined to die for the sake of warning others, let me be among those who gave life for the union’s principles in hard days, for the sake of a better future for Russia and all the nations and peoples living in it.²⁹

Gutsullo’s heartbreaking and pathetic lines played on emotions but were very vulnerable to criticism in terms of objectivity. The author’s overflowing pathos and self-flagellation should have raised the question not only about the truthfulness of all the above but also about his mental state. As famous columnist V. Doroshevich rightly noted, Gutsullo evidently showed off, wrote “with effect” and mentioned his

²⁷ “A Mission to kill P.N. Milyukov. Letter to the *Zhurnal Zhurnalov* Editors from Sergei Prokhozhi, an Employee of the *Russkoe Znamya*” [in Russian], *Zhurnal Zhurnalov*, no. 50 (1916): 4.

²⁸ According to N.N. Yakovlev, in one of his interviews, Prokhozhi reported Dubrovin’s words: “It is you who must do it, as you are a mobilized and conscripted soldier. This assassination. . . must be the Russian army’s response to Milyukov’s last speech in the Duma.” (N.N. Yakovlev, *August 1, 1914*, 299)

²⁹ “My Confession,” 7.

“imminent” death twenty times on three pages of his “confession,” presenting Dubrovin as “an all-powerful being.”³⁰ However, these “revelations” turned out to be very useful in the context of the onslaught on the autocracy and the oppositional media campaign to discredit the Black Hundred movement. Moreover, the “confession” appeared in the press just when a libel case was initiated against Milyukov for the Duma speech he delivered on November 1.³¹

Milyukov publicly stated that he took Gutsullo’s revelations quite seriously because he received anonymous threats and noticed suspicious-looking individuals following him after that sensational speech.³² Demonstrating an outward composure, Milyukov assured journalists that another attempt to take his life was no longer surprising. He patiently reminded:

In this respect, I have even developed a certain experience. When I made a speech in the Third Duma denouncing the Union of the Russian People, I was surrounded on the street by several suspicious-looking individuals who attacked me, broke my pince-nez, and knocked out a tooth.³³

Questioned as a “victim,” Milyukov confirmed his concerns and assured the investigator that he was on the list of persons “subject to elimination.”³⁴ The *Russkie Vedomosti* reported that Milyukov’s party companions were “particularly excited” because they saw “nothing improbable” in the Prokhozhi’s story, and according to the people close to the cadet leader, “he had recently been followed at night when he returned from the *Rech'* editorial office.”³⁵

³⁰ V.M. Doroshevich, “Member of the Union of the Russian People” [in Russian], *Russkoe Slovo*, no. 286, December 11 (24), 1916, 2.

³¹ “O privilechenii k otvetstvennosti chlena Gos. dumy P.N. Milyukova, obvinyаемого v klevete na predsedatelya Soveta ministrov B.V. Shtyurmera” [On the prosecution of State Duma member P.N. Milyukov, who was accused of slandering Chairman of the Council of Ministers B.V. Shtyumer]. F. 1276, op. 12, d. 7B. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia; “Bringing P.N. Milyukov to Justice” [in Russian], *Russkie Vedomosti*, no. 278, December 2, 1916, 2.

³² “On the Case of S. Prokhozhi” [in Russian], *Kievlyanin*, no. 15, January 15, 1917, 3; “On the Organization of the Assassination of P.N. Milyukov” [in Russian], *Den'*, no. 48, February 20, 1917, 1.

³³ Cited in Yakovlev, *August 1, 1914*, 299–300.

³⁴ “O zagovore protiv chlena Gosudarstvennoi dumy Milyukova P.N.” [On the conspiracy against State Duma member, P.N. Milyukov]. F. 1695, op. 2, d. 129, l. 5. Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of Saint Petersburg] (TsGIA SPb), St Petersburg, Russia.

³⁵ “P.N. Milyukov and the Black Hundred” [in Russian], *Russkie Vedomosti*, no. 277, December 1, 1916, 5.

Aleksandr Ivanovich Dubrovin (1855–1921)

Source: F. 1742, op. 1, d. 51471. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia

Dubrovin, in turn, assured the readers of the *Russkoe Znamya* that since 1910, the newspaper had occasionally publish the articles by Prokhozhi but he had never been a “regular employee” of the editorial office.³⁶ In the *Russkoe Znamya* archive, there are the following articles by Prokhozhi dated 1910–14: “On the Death of Tolstoy,” “Some Words about the Cinema,” “St Petersburg Geishas,” “A Sad Phenomenon (A Few Words about the Current Trend in Russian Industry),” ““Long Live the King!’ An Episode from the Bloody Chronicle of the French Revolution,” “The Forgotten Jubilee,” “The Fate of Russian Cotton Production,” “Turkestan Epic Fairy Tales,” “Road to a Woman!”, “Some Words about Pushkin,” “Letters from the Far East of Russia,” and “In Sad Memory of the Great Heresiarch.”³⁷ During the First World

³⁶ “Vileness Goes On” [in Russian], *Russkoe Znamya*, no. 263, December 4, 1916, 2.

³⁷ “Redaktsiya gazety “Russkoe znamya”. Sotrudniki gazety. (Rukopisi statei i svyazannaya s nimi perepiska). Stat’i, podpisannye psevdonimami. Sergei Prokhozhi” [Editors of the *Russkoe Znamya* newspaper. Employees of the newspaper. (Manuscripts of articles and related correspondence). Articles signed with pseudonyms. Sergei Prokhozhi]. F. 786, op. 1, d. 1116, ll. 1–47. RGIA.

War, he contributed to the *Vechny Vremya*, which supported the progressists, but the liberal press did not focus on that fact “for some reason.” Dubrovin also claimed that he had never known Prokhozhi personally and had never seen him because the editorial secretary N. Yeremchenko communicated with him on newspaper matters. The publisher of the *Russkoe Znamya* and Gutsullo had met for the first time shortly before the revelations appeared in the press. According to Dubrovin, a man in the lower rank uniform came to his apartment, handed him a card with the name Gutsullo on it, and explained that he was “the Sergei Prokhozhi,” and the purpose of his visit was a request for money. Having settled in Petrograd in a private apartment, Prokhozhi-Gutsullo asked to give him the part of the fee that he had not yet received and an advance of 25 rubles, promising to work it out with articles. During the meeting, it was agreed that Gutsullo would write texts on the activities of the Amur Governor-General N. Gondatti and on the German dominance in the Far East of Russia. However, Dubrovin did not give any money and sent the visitor to the head of the newspaper finances, E. Poluboyarinova. “That was the end of the communication between A. Dubrovin and Sergei Prokhozhi. A. Dubrovin did not see him again and did not have any relations with him.”³⁸ From Poluboyarinova Dubrovin learned that she had not admitted Gutsullo and had not responded to his letter. However, the unpaid fee was given to him in full at the *Russkoe Znamya* cash office. The VDSRN leader claimed that

everything else is fiction and malicious slander, the perpetrators of which will be brought to justice soon.³⁹

But Gutsullo stood his ground. Without denying that he had asked Dubrovin for money to “settle down properly in Petrograd,” he claimed that he had previously had two conversations with the Black Hundred leader, during which the latter checked his trustworthiness. And when he made sure that Gutsullo was a loyal and brave Black Hundred man, he made his criminal offer. Explaining the reasons for his consent, Gutsullo again pictured Dubrovin as a ruthless and influential criminal authority:

What was I supposed to do? Being in his house, in his office, I had to agree, otherwise I would not have left the house; I would just be taken out and handed over to the railway station as “cargo” for sending to the army, in a box with gifts...⁴⁰

³⁸ “Vileness Goes On,” 2.

³⁹ “Vileness Goes On,” 2.

⁴⁰ “Career of S. Prokhozhi,” 4.

Seeing off the visitor, Dubrovin allegedly took out two hundred rubles from his dark blue velvet vest, gave them to Gutsullo as an advance, and blessed him for the “feat.”⁴¹

Not bothering to check the facts, the opposition press tried to make Prokhozhi-Hutsullo’s revelations as widespread as possible. The assassinations of M. Herzenstein (1906) and G. Iollos (1907), of organizing which Dubrovin was also suspected, were discussed one again. The *Russkie Vedomosti* wrote:

The sinister and disgusting ghosts of the past are rising up before us again. Someone decided that a deputy who had bravely exposed the intrigues of Russia’s enemies to the country should pay for it with his life. Someone “cued”, and “on this cue,” the “bloodied villainy is already crawling to him obediently.” . . . Can Russian society remain an indifferent. . . witness? There can be no two answers to this question. The answer should be a universal demand for an immediate, impartial, exhaustive investigation of the actions of the individuals and communities indicated by the *Russkoe Znamya* employee. And, most importantly, this investigation must be brought *to the very end*, right down to the key masterminds and leaders of the sinister gang. The darkness in which the dark forces hide must be dispelled by any means.⁴²

Doroshevich, who published three large feuilletons on the pages of the *Russkoe Slovo*, also responded to the sensational statements of Prokhozhi in the same pathetic tone. Stirring up fears, the “king of columnists” warned readers that the story told by Prokhozhi resembled the French reaction of 1792 and the secret Parisian society of Knights of the Dagger; it also evoked the shadows of Herzenstein and Iollos killed by the Black Hundreds and opened up a “dark page” of the Russian life. However, Doroshevich pointed out that neither Prokhozhi nor Vasilevsky provided clear evidence that the “confessor” was really a Black Hundred militant. “It is the most important thing,” Doroshevich emphasized. “And we do not know who he is. Just a crook or a villain?”⁴³ Noting that there were “many ambiguities” in the story of Gutsullo-Prokhozhi, the publicist tried to explain each of them and point the reader towards the conclusion: although Dubrovin’s accuser confused a lot of details, there was no doubt that he was not lying in the key facts, as he was “not the first accuser of the Union of the Russian People who used to be its member.”⁴⁴ Doroshevich urged the prosecutor’s office to immediately investigate the case:

⁴¹ “Career of S. Prokhozhi,” 4.

⁴² “A Conspiracy against P.N. Milyukov” [in Russian], *Russkie Vedomosti*, no. 277, December 1, 1916, 3.

⁴³ V.M. Doroshevich, “A Conspiracy to Kill P.N. Milyukov” [in Russian], *Russkoe Slovo*, no. 277, December 1 (14), 1916, 4.

⁴⁴ Doroshevich, “A Conspiracy to Kill P.N. Milyukov,” 4.

The murders of Iollos and Herzenstein might be forgotten. But the prosecutor's office has received a new fact that requires opening a case and investigation. A person makes a public statement. A political party has a terrorist organization. This person belongs to it. He provides evidence of its existence and his belonging to it. . . . The investigation has to check his words and to bring to light everything he does not know about the activity of the Union of the Russian People. . . The case should be initiated not only against a certain Sergei Prokhozhi, but against the Union. . . The crime. . . is too grave.⁴⁵

The following day, Doroshevich published a new feuilleton, where he presented his version of the situation. The Black Hundred consisted of two parts. The first part included the "extremist" supporters of Dubrovin who were ready to stifle the revolution by force and intimidate liberals with political assassinations. The second part included the "bastards", Markov's associates who did not dirty their hands but fought their enemies with a word, "flinging mud at everything progressive." The period of 1905–07 was the era of "extremists," and the era of "bastards" came after the suppression of the revolution and the beginning of parliamentary struggle. The columnist made the following conclusion:

Now the situation is aggravating again. And again, the "extremists" come onto the scene and displace the "bastards." P. Milyukov has experienced both ways of fighting. . . The seniors have apparently decided that it is time to restart the era of the "extremists." The beautiful days of the *Russkoe Znamya* start again.⁴⁶

Doroshevich finished his triptych with an article where he analyzed the psychological portrait of Prokhozhi, a "Black Hundred bandit", and then expressed great doubts about the truthfulness of the "confession." Doroshevich concluded that one should not trust Gutsullo as he was inclined to exaggeration and lie, and therefore the issue of Dubrovin's guilt "should be considered with great caution."⁴⁷ The venerable columnist even presumed that Prokhozhi could have invented the story, at least for the purpose of "being imprisoned rather than sent to the front."⁴⁸ (It is worth noting that according to Gutsullo himself, he was "quite unexpectedly" mobilized in Petrograd in 1916, when he came to the capital to meet Dubrovin. He had to recall all his illnesses to get into the reserve regiment instead of the battleground⁴⁹). Nevertheless, Doroshevich was also in no hurry to admit the story as fiction, as he

⁴⁵ Doroshevich, "A Conspiracy to Kill P.N. Milyukov," 4.

⁴⁶ V.M. Doroshevich, "A Conspiracy to Kill P.N. Milyukov" [in Russian], *Russkoe Slovo*, no. 278, December 2 (15), 1916, 3.

⁴⁷ Doroshevich, "Member of the Union of the Russian People," 2.

⁴⁸ Doroshevich, "Member of the Union of the Russian People," 2.

⁴⁹ "Career of S. Prokhozhi," 4.

was sure that such a crime could be typical of the Black Hundreds. Therefore, he again called on the investigation to thoroughly study all the facts from Gutsullo's testimony, including his "feats" during the 1905 Revolution, in order to expose the "criminal community of murderers, robbers, patrons, and instigators" and "lance that boil to the bottom."⁵⁰

The *Yuzhnyi Krai* newspaper was also wary of Gutsullo's revelations. The first lines of the article stated: "Evil which serves another evil begins to take revenge on the public favorites who defend the good of the population and protect from a group of self-serving people." The edition pointed out that "there was a lot in common" between Markov's offensive trick and "criminal acts of revenge." The "plot" against Milyukov and the murders of Herzenstein and Iollos were both "completely heinous" for the *Yuzhnyi Krai*, but speaking about the "conspiracy" the newspaper marked: "If only it really took place." The liberal edition concluded:

If not now, then sometime in the future, the further events will reveal the kind of story we are facing today: whether it is delusion of a sick imagination or indeed the attempts of black terror prepared by the Union of the Russian People.⁵¹

Responding to the indignation of the "progressive swamp," the right-wing periodicals asked their opponents a rhetorical question if they were also indignant "when the murderers who executed the decisions of the Paris conference, in which Milyukov also took part, sent hundreds of loyal Tsar's servants to the skies?" An author from the *Zemshchina* newspaper asked:

Tell us, were you indignant?... When Count Ignatiev was killed or when they attempted to kill Admiral Dubasov, did you call for prosecutor's supervision? . . . No, you did not say anything. Not only that, your companions were extremely delighted with each murder, and the murderers were considered heroes. . . . So do you dare to resent the ridiculous rumor of an "assassination attempt"?!⁵²

But it did not mean that the rightists were ready to admit the possibility of Dubrovin's involvement in the attempted assassination of Milyukov.

A right-wing columnist claimed ironically:

⁵⁰ Doroshevich, "Member of the Union of the Russian People," 2.

⁵¹ "On the Conspiracy against P.N. Milyukov" [in Russian], *Yuzhnyi Krai*, no. 13733, December 1, 1916, 4.

⁵² M. Pronin, "A Precious Life" [in Russian], *Zemshchina*, no. 2540, December 4, 1916, 3.

No one would probably have attempted to kill Milyukov. This life is precious for all Russian people. After all, if awards were given for strong foreheads,⁵³ Milyukov would undoubtedly have received the first award. So, is it possible not to cherish such a person when he is the head of the enemies of Russia? . . . Enemies like Milyukov should be cherished as the apple of your eye. They only compromise their own accomplices. . . Besides, it seems that *lackeys* are never killed in political struggle. They are only beaten. . .⁵⁴

Referring to the attack on Milyukov in 1907, the *Zemshchina* wrote that after that event the cadet leader had become “a complete neurotic with an obsession coupled with desperate fear: he was afraid of the ‘lack Hundreds who allegedly intended to kill the great man.’”⁵⁵

The right-wing newspapers strongly refused to believe the truth of Gutsullo’s story. The *Zemshchina* wrote:

Reading all this nonsense, one would only feel sorry for Dr. Dubrovin, who seems to become insane. For God’s sake, a man hires a killer, pays him 300 rubles in advance, and supplies him with “documents” that the killer uses to blackmail him.⁵⁶

Moreover, the *Zemshchina* author noted that the documents “incriminating Dubrovin” included only a certificate that Prokhozhi collaborated with the *Russkoe Znamya*, a ticket for free travel on railways, and a plan of Milyukov’s apartment. The latter was particularly perplexing:

⁵³ Once, addressing Milyukov from the Duma tribune, Purishkevich quoted the lines from A. Izmailov’s fable “The Liar”: “*Pavlushka – mednyi lob, prilichnoe prozvan’e! / Imel ko lzhi bol’shoe darovan’e*” [Pavlushka is a copper-headed man, what a fitting nickname! / He had a great talent for lying]. (See A.A. Ivanov, *Fiery Reactionary Vladimir Mitrofanovich Purishkevich* [in Russian] (St Petersburg: Vladimir Dal’, 2020), 104.) After that, jokes about Milyukov’s “copper” or “strong” forehead became very popular among the rightists.

⁵⁴ Pronin, “A Precious Life,” 3.

⁵⁵ A. Ryn-Peskovskii, “Pavel Nikolaevich Milyukov” [in Russian], *Zemshchina*, no. 2556, December 21, 1916, 4. As a present-day researcher notes, in 1907–09, “the interpellants accused. . . the Union of the Russian People of an attempt to kill Milyukov, which greatly amused the rightists. Indeed, the hotheads attacked Milyukov and beat him from time to time, but those events could hardly be called assassination attempts. In addition, the victim was present, he signed up for the request and made a speech about it. In those days, the Cadet leader could not appear at the rostrum without being reminded by the rightists that he was a ‘corpse’.” When Milyukov appeared at the rostrum, shouts were heard from the right: “Reverence for the dead!”, “This is not Milyukov, this is Milyukov’s corpse”, “The dead never have shame” (Ya.A. Sedova, *Octobrist Regime* [in Russian], vol. 1 (Moscow: Algoritm, 2018), 1020–21).

⁵⁶ M. Pronin, “Easily Got into Trouble” [in Russian], *Zemshchina*, no. 2542, December 6, 1916, 3.

Besides Vasilevsky, who could have drawn the plan of Milyukov's apartment to Prokhozhi? Dubrovin? It must be assumed that Dubrovin and all his friends have never set foot in that apartment. And if Prokhozhi happened to have a plan of Milyukov's apartment, either Vasilevsky gave him the plan or Milyukov allowed Prokhozhi to inspect his apartment in order to concoct a "document" incriminating Dubrovin. And what could the apartment plan be needed for? Do such murders occur in apartments? . . . Vasilevsky claims that Dubrovin encouraged Prokhozhi with impunity for the murderers of Herzenstein and Iollos . . . But both were killed on the street, not in their apartments."⁵⁷

The *Moskovskie Vedomosti* responded to that situation with several articles. Like other right-wing editions, the mouthpiece of the Moscow monarchists, who had no sympathy for Dubrovin, considered the story absolutely implausible. Prokhozhi's "confession" was found "vulgar, ridiculous, and vile," and his revelations were called "the cries of a denatured soul."⁵⁸ The newspaper reminded the readers of the plot of the newly-staged play by L. Andreev "He Who Gets Slapped," which told about an intelligent man who became famous by working in a circus as a clown, exposing his face to endless slaps. The author of the feuilleton exclaimed:

Look, dear gentlemen, this is exactly the biography of P.N. Milyukov. . . Before entering the circus. . . that is, the State Duma, he was also lost in the shadow of obscurity. He was a Privatdozent and there would be no end to his Privatdozentship! He wrote books, articles, scientific research, but nobody wanted to recognize Pavel Nikolaevich. . . [The public] was indifferent to Milyukov as a scientist, but. . . got crazy about him when he became "the one who gets slapped." It was Milyukov's brilliant invention: firstly, he makes a speech in the Tauride Palace, then he gets slapped for it either in the street or at home,⁵⁹ and finally he is crowned with laurels from the enthusiastic crowd.⁶⁰

Deriding Milyukov's "immense thirst for fame," the author of the feuilleton believed that it did him a lot of harm. In the author's opinion, the shocking news appeared in the "magazine of booms and sensations," and that fact conveyed a great deal. At the end of the feuilleton, the following "suggestion" was made: Gutsullo needed to

⁵⁷ Pronin, "Easily Got into Trouble," 3.

⁵⁸ Neizvestnyi, "Sketches" [in Russian], *Moskovskie Vedomosti*, no. 283, December 8 (21), 1916, 4.

⁵⁹ It is a reference to the incident on May 9, 1908, when N. Popov, a journalist from the *Rus'* newspaper, slapped Milyukov in the face after a talk in his apartment, provoking the politician into a duel. See A.A. Ivanov, *"A Point of Honor": Deputies of the State Duma and Dueling Scandals (1906–1917)* [in Russian] (St Petersburg: Vladimir Dal', 2018), 191–98.

⁶⁰ R. Serebryanskii, "Moscow Thoughts. III. He Who Gets Slapped" [in Russian], *Moskovskie Vedomosti*, no. 279, December 3 (16), 1916, 1.

improve his financial situation so he bought many printed copies of Milyukov's speech, and in order to stimulate demand for it, he invented a story about assassination attempt. The author of the feuilleton R. Serebryanskii imagined how the agreement between Gutsullo and Milyukov could have happened. The author put the following words in their mouths:

"Pavel Nikolaevich! . . . Do you remember the Third Duma? Suspicious-looking individuals, pince-nez, a tooth, and then sympathy, enthusiasm, laurel wreaths. . . Do you?"

Pavel Nikolaevich raised his head. His eyes twinkled with inspiration. It was obvious that he was dizzy from the thirst for new fame.

"Oh no, that'll do! I don't want any more slaps! And then. . . kill me!"

And he explained his plan to the startled Passerby. . . sorry, Prokhozhi. ⁶¹

The *Moskovskie Vedomosti* kept discussing the version that Milyukov was the initiator of his own "assassination." An unknown author hinted that the fame that washed over M. Rodzyanko after he was insulted by Markov distracted the public attention from Milyukov's November speech, making the latter jealous. "It seemed to the progressive old man that his parliamentary speech made too little noise. . . This Cadet old-timer is insatiable in this respect!" ⁶²

The same version was presented by the *Golos Rusi*. Contributor S. Durasovich noted, "The most stupid situation in life is when you have to get off the pedestal that you have just climbed." ⁶³ Ridiculing Milyukov's "agony," the author of the feuilleton wrote:

The whole Russia – no, not the whole of Russia, but the whole universe – shuddered with horror: deep inside Petrograd, the Black Hundreds hatched a dark, sinister plot to kill Pavel Nikolaevich Milyukov, the figure popular in Russia, and in Finland, and in Bulgaria. . . The confession of the Black Hundred made Vasilevsky shudder. . . Hessen was the next to shudder. Kugel' and Zaslavskii followed him. And finally, venerable V. Doroshevich got a nervous tic and wrote a 400-line feuilleton in the *Russkoe Slovo*, ominously beautiful as a black diamond. Phantoms emerged under the magic pen of the "king of columnists." The year of 1792. . . Secret trials of royalist Chouans. . . Conspiracies in the dark of basements and crypts. The blessing of swords. Members of St. Louis Order. Iollos. . . Herzenstein. . . The Ghosts of 1905. . . And as the plot was brought to light, Milyukov's personality gradually became

⁶¹ Serebryanskii, "Moscow Thoughts. III," 1.

⁶² Neizvestnyi, "Sketches," 4.

⁶³ Yuvenal (S.N. Durasovich), "Martyr by Countermark" [in Russian], *Golos Rusi*, no. 1035, December 6 (19), 1916, 1.

more and more impressive. Here he is no longer Milyukov, but a statue. Eyes raised to the sky. One hand is on his chest, the other is spread forth. There is a crown of thorns on his head. What a martyr! A victim of fanaticism. "People, look and be awed!"⁶⁴

Durasovich was sure that the true reason for all that situation was that Gutsullo was offended by Dubrovin and made a proposal to Vasilevsky, which was to perform a "spectacular aria" for a small fee. Durasovich concluded: "If you are Prokhozhi [literally, a passerby in Russian], pass on. We have no time for you today. And you, dear Pavel Nikolaevich, vacate the seat of the martyr."⁶⁵

Well-known journalist A. Rennikov (A.M. Selitrennikov) also made fun of this story in the pages of the *Golos Rusi*. Not supporting the leader of the Black Hundreds, the author of the feuilleton emphasized, "I do not take the side of Dubrovin, as you never know what the doctor and his union are capable of!"⁶⁶ But from the very first lines of the article, Rennikov made it clear that the only purpose of the sensation was Vasilevsky's desire to attract new subscribers.

Rennikov wrote ironically:

There is a small street magazine in Petrograd that publishes all sorts of sensations. It does not matter 'if beasts within a silent forest moan. . . or young girls sing almost inaudibly', the editor of this magazine (a brisk, intelligent Odessa citizen) immediately sends an embellished echo to the public. Speaking about beasts, he reassures the reader that the newspaper has hastily sent a reported to the silent forest to find out what is going on. As for the girl singing, a terrible story is reported about her. A witness wearing a black mask comes to the editorial office and takes the editor's word that he would not take off this mask from his face during the conversation. And this witness has told the editors such things about the girl that makes the hair stand on end and that can only be published at the end of December, and those who want to know the rest of the story should subscribe to the magazine for the whole year of 1917.⁶⁷

Evaluating the plausibility of Prokhozhi-Gutsullo's remorse, the columnist noted: "Mr. Prokhozhi went further, however. He went even much further than it was possible in December before subscribing to a tabloid magazine." To make fun of the story presented by Prokhozhi, Rennikov told his readers that "an editor of a left tabloid magazine" had recently come to him and offered to execute "a great deed for the motherland" and at the same time to earn extra money by "getting rid of" Markov

⁶⁴ Yuvenal, "Martyr by Countermark," 1.

⁶⁵ Yuvenal, "Martyr by Countermark," 1.

⁶⁶ A. Rennikov, "The Plot" [in Russian], *Golos Rusi*, no. 1033, December 10 (23), 1916, 2.

⁶⁷ Yuvenal, "Martyr by Countermark," 1.

the second. Assuring that the responsibility for this murder would be “no more, than for that for Milyukov’s,” Rennikov’s visitor specified a place “where it would be easy to put a mortar” in order to kill the right-wing politician by plunging fire “from the neighboring house, street, and alley” when he would be approaching the Tauride Palace.

Seeing me off, the editor took out two hundred notes from his dark red velvet vest and handed them to me, saying: “The mortar, certainly, is at your expense. Goodbye. By the way, never be sorry for the *Russkoe Znamya*, the address of which you will find in the *Ves' Petrograd* reference book!” . . . I was left alone and stayed in my office for a long time like a madman. What am I to do? Should I inform the prosecutor? Or I really should I go to Dubrovin, tell him all this before the subscription to the *Russkoe Znamya* has expired, and help this poor man to increase his circulation?⁶⁸

Dubrovin’s *Russkoe Znamya* also published Rennikov’s feuilleton, adding that “increasing the number of subscribers of a lousy magazine” was not the only purpose of the “malicious slander.” The *Russkoe Znamya* emphasized that the opposition press sent the appalling accusations against Dubrovin immediately after they had arranged harassment of another leader of the Russian rightists, N. Markov II. The *Russkoe Znamya* characterized this campaign as an “act of yellow terror.”⁶⁹

Defending its leader from “dirty insinuations,” the *Russkoe Znamya* also pointed out that Milyukov himself might have ordered such a great scandal:

Who and why, in fact, needed to “organize an assassination” of Milyukov? It is well known that many people have already beaten him: they beat him in the face with a hand clad in a hard, impenetrable glove; they beat him with a whip in other parts of his body, without gloves; they beat him on the back with a stick; they beat him. . . . You never know how and where he was beaten. All this just proves that if Milyukov’s face and “other parts of his body” were so easy to be beaten, then the whole of him was equally easy to be beaten – even in the most brutal way. . . . However, nothing like that happened. You have been whipped, go now, God be your help, and do not sin anymore; and if you sin, you will be beaten again! . . . Even if Mr. Milyukov has deserved new beating for his new sins, his body remains as accessible as it used to be. . . . After all, Milyukov is the first advocate of freedom and he willingly exposes his face and “other parts of his body” to everyone. What do “assassination,” “organization,” unnecessary mystery have to do with it? . . . Everything is for publicity, for more hype, for

⁶⁸ Yuvenal, “Martyr by Countermark,” 1.

⁶⁹ “Press Overview. A Conspiracy of Slanderers” [in Russian], *Russkoe Znamya*, no. 268, December 11, 1916, 2.

fame. . . That's it, they would say, not only has Milyukov been beaten, but also an attempt has been made against his life. . .⁷⁰

Poet A. Tinyakov, who was actively published in the pages of the *Russkoe Znamya* during the First World War, also paid attention to this story. Calling Vasilevsky in no other way than Voshkin [from the Russian *vosh'* – a louse], Tinyakov did not stint swear words addressed to the editor of the *Zhurnal Zhurnalov* and emphasized his Jewish origin. Tinyakov wrote:

Undoubtedly, none of the left-wing crooks believe that the rightists are going to “kill Milyukov.” The leftists know – as well as the rightists do – that despite being a professor, Milyukov is essentially an insignificant man; the leftists know that no political figures will kill Miliukov because such “opponents” are not dangerous but despicable. However, it is important for the left-wing rabble to incite the gullible and ignorant part of the readers against the right-wing press in general. That is why Voshkin so strongly emphasized that Gutsullo was an employee of the *Russkoe Znamya*, although it turned out that Gutsullo also contributed to the *Vechnee Vremya* newspaper and the *Priroda i Lyudi* magazine, a “man of letters in general”! The Voshkins have undoubtedly achieved their harmful goal: slander has been launched into public, malice has been raised, anger has been inflated, and left-wing imbeciles will repeat the slander of silly Vasilevsky and obviously embittered Gutsullo for a long time.⁷¹

During the investigation, the opposition press was looking forward to the day when Dubrovin would be accused of organizing the murder. Meanwhile, Prokhozhi-Gutsullo was not going to testify and was more inclined to make statements through the press. Vasilevsky gave the investigator the notes that he had received from Gutsullo, saying that the latter went into hiding because “he was afraid of being captured by the Dubrovin companions.”⁷² Commenting on that fact, the *Pravaya Gazeta* noted:

The informant and blackmailer address the prosecutor through Vasilevsky rather than personally, allegedly out of fear of being killed. . . However, Prokhozhi is not afraid of making statements through Vasilevsky, who declares his name in the press. . . A strange fear. . . Obviously, Prokhozhi is not afraid of Dubrovin, but he is afraid of the investigator's questions, as he risks to become tangled in

⁷⁰ [Editorial Article] [in Russian], *Russkoe Znamya*, no. 265, December 8, 1916, 1.

⁷¹ A. Tinyakov “On a Hot Topic” [in Russian], *Russkoe Znamya*, no. 265, December 8, 1916, 2.

⁷² “Statement by S. Prokhozhi” [in Russian], *Rech'*, no. 334, December 4, 1916, 6.

lies. . . Another suggestion is possible: maybe Prokhozhiĭ fears responsibility for false denunciation.⁷³

However, Gutsullo finally had to testify personally. After communicating with him, the investigators concluded that Gutsullo had no facts to prove his unsubstantiated accusations. On February 21, 1917, on the eve of the revolution, newspapers reported that after another interrogation the investigator ordered a psychiatric examination of Gutsullo. Acting prosecutor of the Petrograd Court Chamber N. Gromov was present during the examination and concluded that Gutsullo was “a sick man.”⁷⁴ Moreover, it turned out that Gutsullo had visited Milyukov’s wife and had asked her for financial support. Thus, the layout of Milyukov’s apartment was known to him even without Dubrovin’s help.⁷⁵ Materials of the investigative case demonstrate that Gutsullo had private conversations with the secretary of the *Novyi zhurnal dlya vsekh* S. Zuser (a future Soviet historian and archaeologist) and informed him about an intended assassination of chairman of the State Duma M. Rodzyanko. Then he offered his “confession” to the press, handed over his revelations to Vasilevsky for some interest (100 rubles) and asked the later to hire him as an author.⁷⁶ Having found no grounds for detaining Dubrovin, the prosecutor’s office allowed him to leave Petrograd for his wife’s Oryol estate.⁷⁷

The investigation lasted until the February Revolution but ended in nothing.⁷⁸ It did not manage to prove or refute Dubrovin’s criminal intent. The *Rechʹ* admitted that the Russian law implied no punishment for incitement to murder if it had not been committed. Nevertheless, the edition expressed the hope that Dubrovin would be brought to justice for preparing the murder.⁷⁹ Meanwhile, rumors began to spread that it was Gutsullo rather than Dubrovin who had to go to prison. In his letter to A. Blok, poet V. Pyast (Pestovsky) wrote in early 1917:

Sergei Gutsullo (Prokhozhiĭ), the author of the slander against Dubrovin, . . . was put in a Yekaterinburg prison and will be tried for crimes committed by him as a

⁷³ Pronin, “Easily Got into Trouble,” 3.

⁷⁴ “On the Assassination Attempt against P.N. Milyukov” [in Russian], *Denʹ*, no. 35, February 6, 1917, 3.

⁷⁵ “On the Case of S. Prokhozhiĭ” [in Russian], *Kievlyanin*, no. 52, February 21, 1917, 3.

⁷⁶ “O zagovore protiv chlena Gosudarstvennoi dumy Milyukova P.N.” [On the plot against P.N. Milyukov, a member of the State Duma]. F. 1695, op. 2, d. 129, ll. 1 ob., 3. TsGIA SPb.

⁷⁷ “Departure of A.I. Dubrovin” [in Russian], *Petrogradskii listok*, no. 10, January 11, 1917, 4.

⁷⁸ Derevnina, *Court Cases*, 28–29.

⁷⁹ “On the Statement by S. Prokhozhiĭ” [in Russian], *Rechʹ*, no. 342, December 12, 1916, 3.

member of the Union of the Russian People in Odessa, for crimes he confessed to the prosecutor, when slandering Dubrovin.⁸⁰

At the end of January 1917, the *Petrogradskii Listok* had to admit that Gutsullo, “the Flying Dutchman of the Union of the Russian People,” “‘worked’ for 30 pieces of silver,” “wandering around the leftist editorial offices” and “gabbing all sorts of fables.”⁸¹ Emigrant historian S. Mel'gunov (former cadet and people's Socialist) also admitted that Gutsullo's revelations were “too exaggerated,” and Dubrovin's accuser himself “should be declared mentally damaged.”⁸² After the triumph of the February Revolution, Gutsullo was summoned to the Commission of Inquiry dealing with instigators, but there is only one page in the case file. It is the statement of Prokhozhi himself, in which he welcomed the new government in his characteristic elevated tone, praised “the great cause of the liberation of Russia,” and expressed his readiness to give his life for the revolution.⁸³

Conclusion

The revolution that began at the end of February 1917 shifted the attention of contemporaries to other events. However, the public lost great interest in the failed attempt to kill Milyukov even earlier, in January 1917. The sensation quickly deflated, disappointing all those who expected big revelations. It is extremely difficult to find out what was true and false in Gutsullo's testimony. The moral character of this man did not arouse any sympathy even among those who presented his “revelations” as indisputable truth. It could not help but draw attention to the fact that many of these statements were artificial and illogical. It is unlikely that Dubrovin would entrust such a dangerous mission to a person he barely knew and even provided that person with incriminating evidence. And the fact that those revelations appeared in the press at the very moment when the rightists were heavily attacked makes us doubt their veracity even more. According to the information that had leaked to the press, the investigation was going to conduct a psychiatric examination of the potential killer, and his revelations seemed even more doubtful. It is impossible to say for sure whether the conversation with Dubrovin was Gutsullo's trick or the leader of the Black Hundred truly hinted at assassination of Milyukov. There were really many “dark individuals” around Dubrovin, and the people whom he perceived

⁸⁰ Alexander Blok [in Russian], ed. V.R. Shcherbina, vol. 92, *New Materials and Research*, bk. 2 (Moscow: Nauka, 1981), 222.

⁸¹ “The Elders Get Together” [in Russian], *Petrogradskii listok*, no. 30, January 31, 1917, 2.

⁸² Mel'gunov, *The Legend of a Separate Peace*, 301.

⁸³ “Zayavlenie Prokhozhego-Gutsullo S. i Kasprevicha v sledstvennuyu komissiyu po delam o provokatorakh” [Statement of Prokhozhi-Hutsullo S. and Kasprevich to the Commission of inquiry dealing with instigators]. F. 6281, op. 1, d. 56, l. 4. GARF.

as loyal companions often betrayed him, providing oppositional periodicals with dirt on the leader of the Black Hundred.

On the one hand, this story largely resembled the events with the assassination of Herzenstein, Dubrovin's involvement in which was widely discussed but not proven. (At that time, his former associates M. Zelensky and A. Prussakov testified against Dubrovin). On the other hand, unlike the death of Herzenstein (it was a real tragedy and jokes about it looked immoral and caused fair condemnation) the "attempt to kill" Milyukov quickly acquired a comic coloring. Gutsullo's pathetic revelations, frightening warnings from the liberal editions, and denunciations of the atrocities performed by the Black Hundreds did not reach their goal because nothing happened to Milyukov, except for the fact that his figure attracted the sympathetic attention of the opposition press once again and for a short time he gained "the glory of a martyr."⁸⁴ It is significant that later Milyukov did not concentrate on this story, although until his last days he was sure that Dubrovin wanted him dead. Even after the real attempt to kill the former cadet leader in Berlin in 1922, when two young monarchist emigrants shot at him in revenge for his famous November speech and his contribution to the February Revolution, neither Milyukov nor his companions remembered the failed assassination. We may assume that the reason for such indifference was that this story did not do much harm to Dubrovin (whose "bloodthirstiness" was not doubted by the leftists) but embarrassed all those who took the revelations of the obviously unreliable Gutsullo too seriously. If we assume, as the rightists did, that Gutsullo's public speech was inspired by Vasilevsky in order to raise public interest in the magazine he published, to "destroy" Dubrovin, and to make political promotion of Milyukov, the answer to the question about the reasons that forced the Cadet leader not to talk about this story becomes obvious. Anyway, the story that began as a tragedy turned into a farce and was left without any intelligible ending.

Список литературы

Деревнина Е.А. Судебные дела, связанные с депутатами Государственной думы (по материалам ЦГИА СПб) // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция (Санкт-Петербург, 11–12 декабря 2013 г.): в 2 ч. / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2014. Ч. 2. С. 28–30.

Иванов А.А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2023. 639 с.

Иванов А.А. «Дело чести»: депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917). Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2018. 634 с.

⁸⁴ Yakovlev, *August 1, 1914*, 300.

Иванов А.А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2020. 621 с.

Кара-Мурза А.А. Павел Николаевич Миллюков: «Идти соединением либеральной тактики с революционной угрозой...» // Российский либерализм: идеи и люди / под редакцией А.А. Кара-Мурзы. Москва: Новое издательство, 2007. С. 526–538.

Котельников К.Д. Покушение в Берлине в 1922 г. на П.Н. Миллюкова и убийство В.Д. Набокова: показания обвиняемого, монархиста П.Н. Шабельского // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 867–881. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-3-867-881>

Котельников К.Д. Покушение в Берлине в 1922 г. на П.Н. Миллюкова и убийство В.Д. Набокова: показания обвиняемого, монархиста С.В. Таборицкого // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1163–1174. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-4-1163-1174>

Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире (канун революции). Париж: [б. и.], 1957. 505 с.

Николаев А.Б. Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы (ноябрь–декабрь 1916 г.) // Старцевские чтения – 2006: к 75-летию профессора Виталия Ивановича Старцева (Санкт-Петербург, 14–15 сентября 2006 г.): сборник воспоминаний и научных статей / под редакцией Б.Д. Гальпериной, А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2007. С. 143–154.

Николаев А.Б., Гавроева Е.С. М.В. Родзянко и раскол фракции правых (ноябрь–декабрь 1916 г.) // Университетский научный журнал. 2018. № 41. С. 13–23. <https://doi.org/10.25807/PBH.22225064.2018.41.13.23>

Седова Я.А. Октябрический режим: в 2 т. Москва: Алгоритм, 2018. Т. 1. 1054 с.

Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? Москва: Яуза-пресс, 2013. 672 с.

Стогов Д.И. Образ черносотенцев в российской либеральной печати (1916 – первая половина 1917 гг.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / составитель А.Б. Николаев. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. С. 6–15.

Чернявский Г., Дубова Л. Миллюков. Москва: Молодая гвардия, 2015. 510 с.

Чистяков К.А. Покушение П.Н. Шабельского-Борк и С. Таборицкого на П.Н. Миллюкова в Берлине 28 марта 1922 г. // Новый исторический вестник. 2002. № 1 (6). С. 121–125.

Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. Москва: Алгоритм, 2003. 352 с.

References

Chernyavskii, G., and L. Dubova. *Milyukov*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2015. (In Russian)

Chistyakov, K.A. “Pokushenie P.N. Shabel'skogo-Bork i S. Taboritskogo na P.N. Milyukova v Berline 28 marta 1922 g.” [Assassination attempted against P.N. Milyukov by P.N. Shabel'skii-Bork and S. Taboritskii in Berlin on March 28, 1922]. *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 1 (6) (2002): 121–25. (In Russian)

Derevnina, E.A. “Sudebnye dela, svyazannye s deputatami Gosudarstvennoi dumy (po materialam TsGIA SPb)” [Court cases related to the deputies of the State Duma (based on the materials of the Central State Historical Archive of St Petersburg)]. In *Tavricheskie chteniya 2013. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost': Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya (Sankt-Peterburg, 11–12 dekabrya 2013 goda)* [Tauride Readings 2013. Current problems of parliamentarism: History and modernity: International scientific conference (St Petersburg, December 11–12, 2013)], edited by A.B. Nikolaev, pt. 2, 28–30. St Petersburg: ElekSis, 2014. (In Russian)

Ivanov, A.A. *“Delo chesti”: deputaty Gosudarstvennoi dумы i duel'nye skandaly (1906–1917)* [“A point of honor”: Deputies of the State Duma and dueling scandals (1906–1917)]. St Petersburg: Vladimir Dal', 2018. (In Russian)

Ivanov, A.A. *Plamennyi reaksioner Vladimir Mitrofanovich Purishkevich* [Fiery reactionary Vladimir Mitrofanovich Purishkevich]. St Petersburg: Vladimir Dal', 2020. (In Russian)

Ivanov, A.A. *Vozhd' chernoi reaksii: Nikolai Evgen'evich Markov* [Leader of the black reactionaries: Nikolai Evgen'evich Markov]. St Petersburg: Vladimir Dal', 2023. (In Russian)

Kara-Murza, A.A. “Pavel Nikolaevich Milyukov: ‘Idti soedineniem liberal'noi taktiki s revolyutsionnoi ugrozoi...’” [Pavel Nikolaevich Milyukov: “To follow the course of combining liberal tactics with the revolutionary threat...”]. In *Rossiiskii liberalizm: idei i lyudi* [Russian Liberalism: Ideas and People], edited by A.A. Kara-Murza, 526–38. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. (In Russian)

Kotel'nikov, K.D. “Pokushenie v Berline v 1922 g. na P.N. Milyukova i ubiistvo V.D. Nabokova: pokazaniya obvinyaemogo, monarkhista P.N. Shabel'skogo” [Attempt on P.N. Milyukov in Berlin in 1922 and assassination of V.D. Nabokov: Testimony of the accused, monarchist P.N. Shabel'skii]. *Vestnik arkhivista*, no. 3 (2018): 867–81. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-3-867-881> (In Russian)

Kotel'nikov, K.D. “Pokushenie v Berline v 1922 g. na P.N. Milyukova i ubiistvo V.D. Nabokova: pokazaniya obvinyaemogo, monarkhista S.V. Taboritskogo” [Attempt on P.N. Milyukov and assassination of V.D. Nabokov in Berlin in 1922: Testimony of the accused, monarchist S.V. Taboritskii]. *Vestnik arkhivista*, no. 4 (2018): 1163–74. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-4-1163-1174> (In Russian)

Mel'gunov, S.P. *Legenda o separatnom mire (kanun revolyutsii)* [The legend of a separate peace (the eve of the revolution)]. Paris: [n. p.], 1957. (In Russian)

Nikolaev, A.B. “Iz istorii raskola fraktsii pravyykh IV Gosudarstvennoi dумы (noyabr'–dekabr' 1916 g.)” [From the history of the split of the right-wing faction in the Fourth State Duma (November–December 1916)]. In *Startsevskie chteniya – 2006: k 75-letiyu professora Vitaliya Ivanovicha Startseva (Sankt-Peterburg, 14–15 sentyabrya 2006 g.): sbornik vospominanii i nauchnykh statei* [Startsev Readings – 2006: For the 75th anniversary of Professor Vitaly Ivanovich Startsev (St Petersburg, September 14–15, 2006): A collection of memoirs and scientific articles], edited by B.D. Galperina, and A.B. Nikolaev, 143–54. St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena, 2007. (In Russian)

Nikolaev, A.B., and E.S. Gavroeva. “M.V. Rodzyanko i raskol fraktsii pravyykh (noyabr' – dekabr' 1916 g.)” [M.V. Rodzyanko and the split of the right-wing faction (November – December 1916)]. *Universitetskii nauchnyi zhurnal*, no. 41 (2018): 13–23. <https://doi.org/10.25807/PBH.22225064.2018.41.13.23> (In Russian)

Sedova, Ya.A. *Oktyabricheskii rezhim* [Octobrist regime], 2 vols. Vol. 1. Moscow: Algoritm, 2018. (In Russian)

Stepanov, S.A. *Chernaya sotnya. Chto oni sdelali dlya velichiya Rossii?* [The Black Hundred. What did they do for the greatness of Russia?]. Moscow: Yauza-press, 2013. (In Russian)

Stogov, D.I. “Obraz chernosotentsev v rossiiskoi liberal'noi pechati (1916 – pervaya polovina 1917 gg.)” [The image of the Black Hundreds in the Russian liberal press (1916 – first half of 1917)]. In *Revolutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady* [The 1917 Revolution in Russia: New approaches and views], compiled by A.B. Nikolaev, 6–15. St Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena, 2013. (In Russian)

Yakovlev, N.N. *1 avgusta 1914* [August 1, 1914]. Moscow: Algoritm, 2003. (In Russian)

Информация об авторе

Андрей Александрович Иванов – доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории России, <https://orcid.org/0000-0001-6438-5200>, andrey.a.ivanov@spbu.ru, Санкт-Петербургский государственный университет (д. 5, Менделеевская линия, 199034 Санкт-Петербург, Россия).

Information about the author

Andrei A. Ivanov – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Contemporary History of Russia, <https://orcid.org/0000-0001-6438-5200>, andrey.a.ivanov@spbu.ru, Saint Petersburg State University (5, Mendelevskaya liniya, 199034 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 16.12.2024; одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 16.12.2024; approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 18.03.2025.